

Мишель Моран

Последняя
принцесса
Индии

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
УДОСУГА

Мишель Моран
Последняя принцесса Индии

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Моран М.

Последняя принцесса Индии / М. Моран — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

В Индии, стране несметных сокровищ и пряностей, жестокий обычай велит избавляться от новорожденных девочек – лишней обузы. Но простая сельская красавица Сита, вплетающая в косы цветы жасмина, и юная принцесса Лакшми Баи, с детства воспитанная справедливо и мудро править своим народом, останутся в веках! Когда под сапогом британской армии одно за другим падут свободные княжества, Сита станет отважным воином-телохранителем своей принцессы, а Лакшми, возглавив восстание сипаев, превратится в настоящую мятежную королеву.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

© Моран М., 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2015

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мишель Моран Последняя принцесса Индии

Michelle Moran
Moran M. Rebel Queen

© Michelle Moran, 2015
© Shutterstock.com / saiko3p, Valua Vitaly, обложка, 2016
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2016

* * *

*Посвящаю эту книгу моему мужу
Амиту Куливаха и нашему сыну Лиаму*

От автора

Ради того, чтобы сделать Индию XIX века более понятной для читателей XXI века, я внесла кое-какие изменения в рассказ Ситы. Например, я то и дело употребляла в книге название «Индия», хотя страна Индия в том виде, как мы ее знаем, возникла лишь в 1947 году. Индуизм также является анахронизмом. «Изм» прибавили европейцы, ошибочно полагая, что индуизм – религия. Индуизм – больше чем религия, это способ жизни. Термин «хинди» происходит от Синдху¹, названия реки, поэтому первоначально не имел никакого отношения к религии. Даже атеист может быть хинди.

Я внесла и другие изменения в исторические записи. Желая придерживаться современного написания, я изменила названия нескольких городов. Так, Каши стал Варанаси, а Канхапур – Канпуром.

А еще мною было сокращено или вообще упразднено титулование некоторых именитых и могущественных людей. Так, раджа Гангадар Рао стал просто раджей Гангадар, а рани Лакшми Баи – рани Лакшми.

Каждый англичанин рожден обладателем некой волшебной силы, которая делает его хозяином мира. Когда он чего-нибудь хочет, он не признается даже самому себе, что ему чего-то захотелось. Вместо этого он терпеливо ждет, пока не проникнется твердой уверенностью, что имеет моральное право, что это его религиозный долг – завоевать того, у кого есть заинтересовавшая его вещь. Как англичанину удастся убедить себя в этом, ему непостижимо.
Джордж Бернард Шоу²

¹ Синдху – название реки Инд на санскрите. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Джордж Бернард Шоу (1856–1950) – английский драматург и романист ирландского происхождения, лауреат Нобелевской премии. Наибольшей популярностью пользуется его комедия «Пигмалион» (1912).

Пролог

1919 год

Дневники за семьдесят пять лет лежат на кровати, почти закрывая собой одеяло, сшитое для меня прошлой зимой Раши. Все они раскрыты и похожи на старых мотыльков, слишком уставших от жизни, чтобы взлететь. В восемьдесят пять лет мне уже трудно читать то, что написано моей рукой, но я так часто перечитывала эти строчки в прошлом, что они впечатались в мою память. Они словно узор на черно-оранжевых крыльях бабочек.

Я взяла лежавший на столе конверт и принесла его к себе в постель. Я уже почти закончила писать. Письмо адресовано мисс Пеннивелл. Я очень гордилась тем, что не забыла обратиться к ней «мисс», а не «миссис». Именно эта внимательность к мелочам спасла мне жизнь, когда ее соотечественники прибыли в мою страну с намерением превратить Индию в маленькую Англию с экзотическими женщинами и чаем масала³. Но если мисс Пеннивелл не ошибается и англичане прочтут рассказ старой женщины, все, возможно, со временем изменится к лучшему.

Когда я была маленькой, я жила в небольшом княжестве Джханси, находящемся под властью махараджи Гангадара и его супруги – рани Лакшми. Сейчас я живу в огромной стране, чьи границы тянутся от Бирмы до Кашмира⁴. Вместо махараджи теперь нами правит иностранный император, сын королевы Виктории, король Эдвард VII. На том месте, где прежде в небо вздымались ступы⁵, заключающие в себе образ нашего принца Сиддхартхи, впоследствии ставшего Буддой, теперь на высоких шпилях английских церквей виднеются кресты. Да, я очень стара. Никто не может, дожив до моего возраста, не стать свидетелем больших изменений. Я выжила в кровавой войне между Индией и Англией и на протяжении почти целого столетия была свидетельницей того, как постепенно утрачиваются наши национальные традиции.

Есть древняя индийская пословица, которую я услышала от отца: «*Bandar kya jaane adark ka swaad*». *Что обезьяна может знать о вкусе имбиря?* Думаю, эта пословица имеет отношение к англичанам. Они ничего не знают о людях, которыми правят. С какой стати мы должны верить, что они будут уважать наши храмы и наших богов? В лучшем случае они относятся к ним как к иностранной диковинке. В худшем считают языческим варварством, которое процветает в стране, давшей миру шахматы и цифру ноль.

Я еще раз взглянула на адрес, который мисс Пеннивелл дала мне два месяца назад.

Я стояла вместе с Раши на железнодорожном вокзале Бомбея, когда эта девушка стремительно подошла ко мне. Ее каблучки гулко стучали по каменному полу. В стране красных сари и шафранных дупатта вид этой молодой особы, одетой в серую юбку, подол которой доходил до лодыжек, и такую же серую шляпку, не вызывал сомнений: она была англичанкой.

– Извините, что потревожила вас, миссис Ратход. Вы ведь миссис Ратход?

³ Чай масала – черный чай с добавлением кардамона, корицы, имбиря, звездчатого аниса, зерен перца и гвоздики.

⁴ Кашмир – исторически бывшее княжество в Гималаях, ныне спорная область между Индией и Пакистаном. В 1919 году весь Пакистан также считался Индией и являлся частью Британской империи, поэтому Кашмир не был приграничным владением британской короны.

⁵ Ступа – буддийское архитектурно-скульптурное культовое сооружение, имеющее полусферические очертания. Преимущественно представлена в монолитной форме; менее распространены ступы, имеющие внутреннее помещение.

Я с секунду колебалась, хотя британская администрация давно уже перестала выслеживать бунтовщиков.

– Да, – ответила я.

Она протянула мне руку. Меня обучали тому, как следует вести себя с англичанами. Она ждет, что я пожму ей руку.

– Эмма Пеннивелл, – представилась девушка.

Я предположила, что имею дело с очередной репортершей, которую интересует, что же случилось с богатствами после смерти рани, но вместо этого она сказала:

– Шестьдесят пять лет назад мой дедушка сопровождал вас в Лондон. Его звали Уилкс. Ему бы хотелось снова с вами увидеться и поговорить.

Несколько секунд я размышляла над тем, что услышала, а затем отрицательно покачала головой.

– Извините, но то все осталось в другой жизни. – Взяв Раши за руку, я направилась к поезду. – Я родилась в другой Индии.

– Именно поэтому я к вам и обратилась. – Заметив мое равнодушие, девушка заговорила напористее: – Мой дед – издатель. Его интересуют воспоминания людей, живущих в колониях. Он хотел бы опубликовать историю вашей жизни. Я знаю, что у вас поезд...

Я остановилась и попыталась объяснить девушке, что в моем прошлом хватает такого, о чем у меня нет ни малейшего желания вспоминать, но мисс Пеннивелл даже не потрудилась выглядеть шокированной.

– Все мы порой совершаем такое, о чем предпочли бы забыть, но упускаем из виду, что, лишь пролив на случившееся свет, мы в состоянии избавиться от терзающих нас демонов.

Я рассмеялась. Мисс Пеннивелл не могла быть старше двадцати двух лет. Что она вообще может знать о демонах?

– Мисс Пеннивелл, я не вижу смысла в подобного рода воспоминаниях.

– Разве вам не жаль того, как британцы изменили вашу страну?

– Кое-что изменилось в лучшую сторону, – сказала я, надеясь побыстрее закончить нашу беседу, – например, этот вокзал. Без англичан его бы ни за что не построили.

– А как насчет разрушенных храмов?

Я постаралась сохранить бесстрастное выражение на лице. Не следует ей знать, как часто я об этом размышляю.

– Пожалуйста, подумайте о моем предложении, – сказала девушка, протягивая мне визитку. – Ваш рассказ может убедить британцев в том, что индийские традиции уникальны. Возможно, сам король Англии прочтет ваши мемуары и решит, что ваша рани была права, что она не была мятежной королевой, как называют ее в Англии, а истинной королевой, которая взяла в руки меч, чтобы защитить свой народ от строителей империи. В этом она была похожа на вас, миссис Ратход.

Я понимала, что девушка хочет поймать меня на наживку, но приняла у нее из рук визитную карточку. После двух месяцев переписки мисс Пеннивелл удалось переубедить меня.

Раши говорит, что я очень храбрая, если осмелилась написать о прошлом, но мне кажется, что в душе она считает меня глупой. В конце концов, мои воспоминания совсем не похожи на распахнутые двери, ведущие в дом другого человека, скорее они подобны выбитым окнам, а хозяйка пытается объяснить всем желающим, какой ущерб был нанесен. Я прекрасно осознаю это обстоятельство. Я пишу не только ради себя, но и ради Индии.

В доме витают ароматы гарам масала⁶ и кориандра. Раши занимается в кухне стряпней. Я, пожалуй, начну писать прямо сейчас, пока утренняя прохлада не сменилась днев-

⁶ Гарам масала – смесь специй, используемая в североиндийской кухне.

ным зноем, когда единственное, чего хочешь, – это вздремнуть. Но я продолжаю смотреть на моих друзей, обтянутых старой кожей, такой же морщинистой и знакомой, как кожа моих собственных рук. Когда я закончу писать воспоминания, я избавлюсь от дневников. Я понесу их к Гангу во время васанта наваратри⁷, когда все пускают свои старые календари плыть по течению реки. Пускай богиня реки решает, правильно ли я поступила, должно ли то, что случилось с моей сестрой и самой храброй из княгинь Индии, по-прежнему камнем лежать на моем старушечьем сердце.

Старательно выводя буквы, я написала адрес:

*Мисс Эмме Пеннивелл
«Раутледж-энд-Кеган Пол Паблишерс»,
Лондон, Англия*

Затем я некоторое время смотрела на кремово-красный конверт. Он большой. Он и должен быть таким, если я хочу запихнуть в его жадно раскрытый рот все обстоятельства моей жизни, чтобы он проглотил все те воспоминания, которые, как считает мисс Пеннивелл, могут помочь королю Англии править нашей страной лучше, чем делала его матушка. Кто знает? Если два брата из Америки построили машину, которая может летать в небе⁸, почему бы деревенской старушке не написать книгу, которая попадет в руки к королю?

⁷ Васанта наваратри – весенний праздник в честь богини Дурги.

⁸ Братья Уилбур и Орвилл Райт – два американца, за которыми признается приоритет изобретения и постройки первого в мире самолета, способного к полету, а также совершение первого управляемого полета на аппарате тяжелее воздуха с двигателем 17 декабря 1903 года.

Глава 1

1840 год

Представьте, как я веду вас по длинной грунтовой дороге к краю поля, как мы входим в крестьянскую хижину, построенную из саманных кирпичей и крытую тростником.

– Вот здесь я остановилась вместе с рани княжества Джханси, когда мы убежали от британцев, – говорю я вам. – А в этом углу мы переоделись в крестьянскую одежду, чтобы она смогла беспрепятственно добраться до крепости Калпи.

Думаю, вы переведете взгляд с моего богатого сари и тонких золотых украшений на земляной пол единственного помещения и рассмеетесь. Но только взгляд моих глаз останется серьезным, и вскоре вы поймете, что я не шучу, что все, услышанное вами, – правда: рани Джханси, которую британцы предпочитали называть королевой Лакшми, на самом деле бежала от сильной британской армии, переодевшись в крестьянку.

Не понимаю, что в этом такого удивительного. Разве Одиссею это не удалось, когда он переделся нищим?⁹ А у герцога Винченцио из *«Меры за меру»* разве не вышло?¹⁰ Возможно, люди дивятся тому, что именно я подсказала рани эту хитрость, вспомнив о кое-каких похождениях героев прочитанных мною книг. Если уж начистоту, то мне не полагалось читать подобного рода литературу, мне вообще не полагалось уметь читать. Однако отец настоял на том, чтобы я получила образование. Если бы это дело оставили на усмотрение моей бабушки, то я бы ничего в жизни не увидела, кроме стен нашего дома. Надеюсь, вам известно, что законы пурды довлеют над женщинами Индии.

Когда мне исполнилось семь лет, я спросила отца, откуда берет свое начало эта традиция – держать женщин в затворничестве. Наш сад был достаточно просторным, чтобы в нем росла священная фи́га. Еще минуло немало лет, прежде чем я узнала, что далеко не все сады и дома в Барва-Сагаре такие просторные. Но мы относились к варне кшатриев¹¹, то есть наши предки были в родстве с раджамы, как и их предки. Так тянулось с начала времен. Меня часто просили объяснить, что представляет собой кастовая система. Я всегда объясняла просто... Представьте себе улей. Есть рабочие пчелы, есть трутни, а есть пчелиная матка. Наши касты построены похожим образом. Есть брамины, выполняющие у нас функции священников. Есть кшатрии, которые являются воинами и раджамы. Есть вайшьи, из которых выходят торговцы, крестьяне и ремесленники. А есть шудры, чей удел – прислуживать и прибираться за остальными. Как рабочая пчела рождается, чтобы работать и умереть рабочей пчелой, так и люди не могут изменить принадлежность к той или иной варне¹².

В тот вечер, пока заходящее солнце поджигало облака над нами, превращая небо в оранжевый океан, отец объяснил мне суть пурды. Он похлопал себя по колену. Когда я забралась к нему на колени, то увидела, как бугрятся мускулы под кожей его рук, твердые, словно камни. Я вытянула перед собой раскрытую ладошку, и отец принялся водить по ней пальцем.

⁹ В поэме Гомера Одиссей после многолетнего отсутствия переодевается в нищего и неузнанным проникает в свой собственный дом.

¹⁰ В этой пьесе Шекспира герцог, скрываясь под личиной монаха, наблюдает за недостойным поведением человека, которого оставил в свое «отсутствие» править Веной.

¹¹ Варна – термин, обозначающий четыре основных сословия индийского общества до британской эмансипации: 1) брахманы (брамины) – жрецы и ученые; 2) кшатрии – воины и правители; 3) вайшьи – крестьяне, ремесленники и торговцы; 4) шудры – слуги и батраки.

¹² Каста являлась более мелким делением среди варн на основании родства, землячества либо религии. В отличие от варны переход в другую касту был возможен, хотя очень редок и затруднен.

«Ты помнишь историю первого Великого Могола в Индии?» – «написал» он вопрос.
«Он был мусульманином, а мы индуисты».

«Да. Именно он принес пурду на нашу землю».

«Значит, это вина императора Бабура¹³ в том, что я не могу покинуть пределы нашего дома?»

Рука отца напряглась, и я сразу же поняла, что «написала» не то.

«Пурда – ничья вина, – быстро вывел его палец. – Закон нужен, чтобы защитить женщин».

«От кого?»

«От мужчин, которые могут их обидеть».

Я сидела тихо-тихо. Какую судьбу приготовил мне папа? Неужели мне никогда не узнать, что лежит за каменной оградой нашего внутреннего дворика? Я ощущала, как внутри меня растет сильнейшее раздражение.

«Ладно, – продолжил отец. – Что тебя тревожит, маленькая пава?»

Конечно, папа не писал слово «ладно». Это мое добавление. Просто я воображала себе, что он мог бы так выразиться, если бы не потерял слух, воюя на стороне британцев против бирманцев. Вас, возможно, удивит то, что британцы вообще появились в Индии и что кто-то из нас воевал с бирманцами. Началось все в 1600 году, когда английские моряки впервые приплыли в мою страну. Вы когда-нибудь слышали притчу о носе верблюда? Однажды холодной зимней ночью верблюд уговорил хозяина разрешить засунуть свой нос погреться за полог шатра. Британская Ост-Индская компания действовала похожим образом.

Сначала это была всего лишь торговая компания, покупавшая наши специи и шелка, а затем доставлявшая все это морем в Англию. На этой торговле наживались состояния. По мере роста компании уже требовалось несколько сотен вооруженных охранников, чтобы защитить склады с ценным грузом. Со временем место сотен заняли тысячи вооруженных солдат. Наступил день, и правители Индии, проснувшись, обнаружили, что у Британской Ост-Индской компании есть своя сильная армия. Британцы уподобились тому верблуду, который сначала обещал ограничиться носом, затем ногами, потом спиной, а кончилось тем, что в шатре остался верблюд, а хозяин был вынужден дрожать на холоде снаружи.

Вскоре, когда одному из правителей потребовалась военная помощь, он просил ее не у других махараджей, а у Британской Ост-Индской компании. Чем чаще компания оказывала услуги махараджам, тем сильнее она становилась. Затем в 1824 году несколько махараджей на севере Индии решили, что с них хватит. Они видели, как бирманцы год за годом планомерно завоевывают соседние княжества, действуя так же, как тот хитрый верблюд из истории. Уже давно стало понятно, что они не остановятся, пока их правители не усядутся на тронах этих махараджей. Я не знаю, почему они не поняли, что та же самая притча о носе верблюда относится и к британцам. Вы можете решить, что безопаснее всего было бы объединиться или обратиться за помощью к соседу, но никто из этих могущественных государей не хотел стать должником соседа-махараджи. Вместо этого они предпочли стать должниками чужаков. Они обратились за помощью к Ост-Индской компании, а британцы и сами собирались идти войной на Бирму, исходя из собственных, главным образом экономических целей.

Отец воевал на той войне. Из-за принадлежности к варне кшатриев он получил офицерский патент¹⁴, и компания платила ему сто рупий в месяц. Мне исполнилось всего лишь несколько месяцев, когда папа уехал воевать в Бирму. Имелись все основания верить в то, что

¹³ Захир ад-Дин Мухаммад Бабура (1483–1530) – тимуридский правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель империи Великих Моголов, известен также как поэт и прозаик.

¹⁴ Офицерский патент – документ, дающий право занимать командную должность в странах Европы. Первые офицерские патенты стали выдавать в эпоху Возрождения.

Нихала Бхосале ожидает блестящее будущее. Он присылал моей шестнадцатилетней матери письма с войны. Отец писал, что общение с иностранцами имеет свои преимущества, хотя понять обычаи британцев непросто. Он научился разговаривать по-английски, а один офицер познакомил его с творчеством непревзойденного писателя Уильяма Шекспира.

«Полковник говорил, что, если я хочу понять британцев, я должен сначала понять Шекспира».

Папа серьезно отнесся к его совету. Он прочитал все, что написал Шекспир, начиная с «Отелло» и заканчивая «Венецианским купцом». Когда через два года отец потерял на войне слух и лежал на койке в госпитале, Шекспир составлял ему компанию.

Много лет спустя я спросила у папы, какая из пьес лучше всего утешала его, пока он свыкался с миром, лишенным звуков, с миром, где ему не суждено услышать голоса дочери и пения жены, исполняющей *рагу*¹⁵ в честь Шивы. К тому времени я и сама стала солдатом в дурга-дале, элитном отряде самых преданных телохранительниц рани, и прочитала все произведения Шекспира.

Отец немного подумал и после паузы сказал мне то, о чем я и сама догадывалась: «Среди всего написанного “*Генрих V*”¹⁶ наилучшим образом выражает причины того, почему мы боремся».

Но я совсем не думала о войне в тот вечер, когда отец объяснял мне смысл пурды. Я тогда была совсем маленькой, чтобы понимать что-то в политике. Я всего лишь знала о том, что мне нельзя играть снаружи, как мальчикам, нельзя пить кокосовое молоко из мохнатых орехов и устраивать потешные бои, размахивая отломанными побегами бамбука. Я подняла глаза и посмотрела на папу. Его лысая голова отсвечивала на солнце, словно натертое до блеска блюдо.

«Я всегда буду под властью пурды, даже когда вырасту?» – написала я вопрос.

«Да, так же, как и твоя мама».

Иногда ворона строит себе гнездо на дереве, а затем прилетает воробей и все разрушает. Планы отца на дальнейшее течение моей жизни пошли прахом вследствие вмешательства одной маленькой птички.

¹⁵ Рага – музыкально-эстетическая и этическая концепция, закон построения крупной музыкальной формы в рамках индийской классической музыки, мелодия.

¹⁶ «Генрих V» – историческая пьеса Шекспира о походе короля Генриха V во Францию во время Столетней войны; отличается патриотизмом.

Глава 2

Тогда стоял муссон, летний сезон дождей. Скоро у меня должен был появиться брат или сестра. Теплые струи хлестали по деревне, заливая поля и улицы. Даже дети крестьян, привыкшие к дождю, ходили, покрыв головы листьями *таро*. Я видела, как мальчишки используют их вместо зонтиков, и думала о том, как, должно быть, забавно укрываться под таким живым навесом. Весь Барва-Сагар подвергся нашествию ливней, и я представляла себе, что каждая капля – это крошечный солдат, марширующий с неба на наши поля.

– Что ты делаешь? – спросила бабушка, когда увидела, что я стою у окна, наблюдая за дождем.

Мне сейчас полагалась быть на кухне и следить за огнем.

– Вода еще не нагрелась, дади-джи. Я лишь...

Она отвесила мне пощечину.

– Разве ты не знаешь, что происходит в доме?

– Мама рождает.

Я закусила дрожащую губу, чтобы не выдать своего волнения. Джи – это признак уважения. Мы добавляем его к имени всякого, кто старше нас.

– Сейчас я кое-что расскажу тебе о родах, *бети*, чего ты не можешь узнать из книжек, которые читает с тобой мой сын.

Бабушка не понимала, зачем отцу терять время на то, чтобы обучать дочь. Британцы принесли с собой также и перемены к лучшему. Например, они запретили убивать новорожденных девочек. В то время, когда я родилась, убийство новорожденных девочек еще было довольно распространенным явлением. Теперь вы имеете представление, как относились к таким, как я. Даже сейчас рождение сына отмечают танцами под музыку, а бедным раздают сласти. После рождения дочери в доме царит тяжелая, словно одеяло, тишина. Никто не радуется. Нет повода радоваться. Все стараются помалкивать. Какой смысл радоваться рождению той, которую надо кормить, одевать и учить лишь для того, чтобы с ее замужеством весь труд и деньги уплыли из дома?

Нельзя сказать, что дочерей никто не любит, но после рождения дочери отец вынужден сразу же начинать копить деньги, ибо лет через девять-десять ей понадобится приданое. Матери же приходится свыкаться с мыслью, что после того, как будущий муж увезет их дочь в свою деревню, она рискует больше никогда не увидеть ее.

Я подозреваю, что после моего рождения бабушка предложила воспользоваться опиумом. Так чаще всего избавлялись от ненужной обузы. А когда соседи спрашивали, что случилось с новорожденной, чьи крики они слышали прошлой ночью, им отвечали, что ее забрали волки. Когда я была маленькой, многих новорожденных девочек в Барва-Сагаре «забрали волки». Пожалуй, не одно животное должно было бы умереть за это время от хронического переедания.

Когда бабушка сказала мне: «Сейчас я кое-что расскажу тебе о родах, *бети*», – то это было сделано не из желания расширить мой кругозор. Бабка хотела лишь напомнить, сколько неприятностей я, бесполезная девчонка, в свое время принесла матери. Свет, льющийся из окна, подчеркивал высокие скулы, длинный нос и тонкую шею бабки. Мне она напоминала птицу, которую я видела на озере позади крепости Барва-Сагар. Папа сказал мне, что это лебедь. Лебеди умеют плавать, не замочив своих перьев. Именно так бабушка поступала всю свою жизнь: плыла по дому, ко всему равнодушная. Ее не трогали ни мои слезы, ни крики моей мамы, доносившиеся из дальней комнаты дома.

– Родить ребенка – тяжелый труд. Опаснее путешествия ни одна из женщин в своей жизни не предпринимает, – начала бабка. – Твоя мать там с повитухой, но лучше бы за нее сейчас молился жрец. Я сама рожала два дня. Ты знаешь, что это значит?

Это не было вопросом. Просто полагалось отрицательно покачать головой, что я и сделала.

– Два дня я ничего не ела и не пила. Двери и ставни на окнах были закрыты. Я страдала, словно животное, пока мне не стало казаться, что даже богиня Шешти¹⁷ меня покинула.

Я поняла, что бабушка говорит правду. Я видела, как пришла повитуха. Я слышала, как она приказывала не впускать в комнату с роженицей ни солнечного света, ни свежего воздуха. Когда я подумала о маме, на мои глаза навернулись слезы.

– Ты меня слушаешь? – властно спросила бабушка.

– Да, дади-джи. А как же вода?

Она тоже взглянула на горшок.

– Чего ты здесь стоишь? Быстрее неси!

Я сняла горшок с кипящей водой с раскаленных камней и последовала за бабушкой по проходу. Полы в доме были сложены из саманных кирпичей, а стены побелены известью. Красивым дом назвать было нельзя, но в нем имелось несколько комнат, и мы никогда не испытывали недостатка в пище.

Бабушка громко постучала в дверь. На пороге возникла фигура повитухи. Я мельком увидела маму. Тело ее покрывал пот. Казалось, что она сейчас лежит под дождем, капли которого попадают только на нее, оставляя все вокруг сухим.

– Воду, – коротко сказала повитуха.

Я протянула горшок, надеясь, что старуха скажет что-нибудь о состоянии мамы, но та лишь забрала его и захлопнула дверь. Наверное, с моей стороны называть повитуху старухой было не особенно вежливо. Она была примерно одного с бабушкой возраста, но они разительно отличались. Это все равно что сравнивать льва и кошку. Лицо повитухи было круглым и мягким. Глубокие морщины струились из уголков ее глаз и рта. Бабушкино лицо, обтянутое кожей, было угловатым. Тетя однажды сказала, что я унаследовала все эти бабушкины углы на своем собственном лице.

– Это похвала, Сита, – сказала мне тетя. – Не дуйся. Острота черт дади-джи делает ее настоящей красавицей. Она красива даже в шестьдесят три года. У тебя такое же красивое лицо.

Мы немного постояли, вслушиваясь в мамины крики за дверью, а потом бабушка строго произнесла:

– Ступай и скажи отцу, чтобы привел твою тетку.

Папина мастерская была моим любимым местом в доме. Четыре ее окна выходили на оживленную улицу, а потолок был таким же высоким, как наша священная фи́га. Когда я приблизилась, то услышала *сабдживаллу*¹⁸, который толкал перед собой тележку, нагруженную овощами с соседних полей, и выкрикивал: «Лук, томаты, огурцы,okra¹⁹!..» Если бы мама сейчас не рожала, то она, подозвав сабдживаллу, принялась бы торговаться, сокрытая от его взгляда деревянной решеткой окна. Так она бы не нарушила запреты пурды.

Папа сидел, повернувшись спиной к двери. Пол вокруг него был покрыт древесной стружкой, похожей на очистки апельсинов. Комнату заполнял запах тикового дерева. Когда отец вырезал изображение божества, в воздухе витал еще и аромат благовоний. Всякий раз, работая над ликом бога, папа оставлял тлеть на домашнем алтаре палочку сандалового

¹⁷ Шешти – богиня-покровительница родов, чья опека гарантирует рождение мальчиков.

¹⁸ Сабдживалла – зеленщик.

¹⁹ Окра, или ба́мия, – однолетнее травянистое растение, плоды которого пригодны в пищу.

дерева, а затем расстилал на земле длинную джутовую циновку, на которой и работал. А когда кто-нибудь заказывал ему оружие, в мастерской пахло лишь деревом и землей.

Я медленно подошла к нему. Папа не любил неожиданностей. Думаю, все, кто потерял слух, этого не любят.

– Пита-джи, – произнесла я, стоя перед отцом.

Он окинул взглядом мое лицо, ища на нем следы горя, но, не найдя, расслабился. Отложив в сторону лук, над которым он сейчас работал, папа протянул мне ладонь.

«Бабушка велела привести Эшу-Маси», – вывела я пальчиком на его мозолистой ладони.

«Сейчас?»

Я кивнула.

Он поднялся на ноги, и стружки полетели с его дхоти, словно маленькие коричневокрылые мотыльки. Я слышала, что англичане называют дхоти килтом. Верно, они похожи, но в отличие от килта дхоти белый и его носят без рубашки. Папа вышел, чтобы переодеться в шаровары и длинную хлопчатобумажную рубашку, которую называют у нас *курта*. Когда он вернулся, то застал меня разглядывающей незаконченный лук.

– Бартха, – вслух произнес отец.

Значит, лук заказал ему наш сосед Партха. Когда отец торопился, он начинал говорить. Вот только после потери слуха он часто путал звуки и, например, вместо «п» произносил «б». Впрочем, я его речь понимала. Я смотрела на лук. Если бы я была мальчиком, то папа сделал бы мне такой же. Слезы наполнили мне глаза.

«Боишься?» – «написал» он.

«Что, если девочка?»

«Тогда я буду дважды благословенным».

До дома моей тети и обратно было минут двадцать ходу. Она жила на другом конце деревни в доме своего мужа. У нее было два сына. Я смотрела через деревянную решетку окна, как безжалостный ливень косыми потоками обрушивается на улицы и поле соседа. Даже буйволы, казалось, жалели себя, укрывшись под деревьями. Хвосты их, висевшие между ног, были похожи на мокрые веревки.

Тетю принесли в паланкине носильщики и поставили его на землю у нас во внутреннем дворике. Лишь после этого отодвинули шторы, завешивающие выход из кузова. Как только тетя ступила на землю, она тотчас же обернула голову и нижнюю часть лица шарфом, чтобы носильщики ее не видели.

– Где дади-джи? – спросила у меня тетя после того, как я с ней поздоровалась.

Я тогда подумала, что она очень похожа на маму: тонкие кости и тонкие губы. Всякий, кто увидит их сидящими в одной комнате, поймет, что перед ним две сестры.

– Повитухе понадобилась помощь бабушки, – ответила я. – Она сказала, чтобы я осталась здесь и ждала вас.

– Ничего плохого ведь не случилось? – прошептала она.

Тете не стоило переходить на шепот. Папа все равно не мог ее слышать, но люди часто об этом забывали.

– Нет.

Тетя поспешила по коридорчику. После двух стуков в дверь та открылась и затворилась за ней.

Учитывая, сколько людей сейчас собралось под крышей нашего дома, здесь должно было бы царить веселье, но вместо радости я ощущала, как во мне растет тревога, подобно тому, как человек заблаговременно ощущает приближение лихорадки. Папа, наверное, чув-

ствовал то же самое. Я видела, как он тихо удалился к себе в мастерскую, хотя, как я подозревала, работа его сейчас ничуть не интересовала.

Я осталась стоять в коридорчике. Я наблюдала за тем, как наша служанка Авани наливает горчичное масло в каждый из медных светильников, стоящих в небольших нишах в стенах коридора. Затем она зажгла их. Может показаться странным, что наша семья, богатством отнюдь не славившаяся, могла позволить себе нанять служанку, но в те времена, как и сейчас, это не было редкостью. Если семья не принадлежит к самой низшей касте, она нанимает кого-нибудь помогать в стряпне и уборке. Чем богаче семья, тем больше служанок она нанимает. Мы могли позволить себе только одну.

Как и большинство девочек, наша Авани вышла замуж, когда ей было десять лет. В этом возрасте девочки достаточно маленькие, чтобы свекрови могли лепить из них все, что им заблагорассудится. Муж Авани был на пятнадцать лет старше нее. Будучи человеком добрым, он позволил Авани оставаться жить в своей семье до тех пор, пока она не достигнет детородного возраста. Однако по прошествии трех лет после того, как девочка перебралась жить в дом своего свекра, муж внезапно заболел и умер. До сих пор в Индии, несмотря на правление британцев, еще не искоренена страшная традиция, называемая *сати*. Я бы могла сказать, что эта традиция имеет отношение к богине Сати, которая, сложив погребальный костер, совершила самоожжение ради своего мужа Шивы, после чего реинкарнировалась и стала его второй женой Парвати. Впрочем, это ничего не объясняет. Дело не в богине Сати, дело в ненужности женщин. Каждый день в каждом городе Индии женщина всходила по ступенькам на погребальный костер своего мужа. Отказ совершить сати, сгорев в огне, бросил тень бесчестья не только на ее собственную семью, но, что еще хуже, на дом свекра.

Для того времени было большой редкостью, чтобы и свекор, и отец женщины высказались против сати. Но в случае с Авани произошло именно так. Конечно, отныне она больше не могла выйти замуж, все радости брака теперь стали для нее недоступны, но по крайней мере молодая женщина осталась жива.

Не сказать, чтобы она совсем избежала своей жестокой участи.

Много лет спустя я узнала от отца, что ни одна из семей в Барва-Сагаре, за исключением нашей, не согласилась принять Авани к себе в услужение. Это был единственный случай, когда бабушка проявила великодушие. Скорее всего, это объяснялось тем, что в свое время, когда бабушка овдовела, ее тоже спасли от пламени погребального костра. Куда идти женщине, которую отказывается принять обратно собственная семья? Где ей найти работу, если никто не нанимает ее в услужение?

Тогда я еще не знала ответов на эти вопросы. Помню, как я стояла и любовалась работой Авани. Ее темная коса моталась из стороны в сторону, пока она зажигала светильники. Янтарный отсвет огоньков играл на ее коже. Авани была очень женственной, и мне казалось, что я никогда не стану такой. К тому же она была опытной женщиной, и ее опыт виделся мне, ребенку, недостижимо далеким.

– Думаете, еще долго? – спросила я.

Авани опустила руку с зажатым в ней кувшинчиком, наполненным горчичным маслом. На ее лице застыло задумчивое выражение.

– Не знаю. У меня нет детей.

Мне следовало молча кивнуть и удалиться к себе в комнату, но я была обычной девятилетней девочкой и порой вела себя крайне беспечно.

– Почему? Дади-джи говорит, что все женщины хотят детей.

Уголки ее рта опустились.

– К сожалению, мой муж скончался шесть лет назад.

На Авани было надето такое же белое сари вдовы, как и на бабушке, но до этого мне не приходило на ум, что для того, чтобы иметь детей, надо сперва обзавестись мужем.

Заметив мое смущение, Авани пересекла коридор и взяла мою ручку в свою ладонь.
– Не волнуйся. Вскоре все закончится.

В золотистом сиянии светильников она стала похожа на Лакшми, богиню богатства и красоты.

Но крики мамы не смолкали в течение двух дней. На вторую ночь тетя возвратилась к себе домой, подчинившись воле своего супруга. Он решил, что жена и так у нас задержалась.

– Сита, – обратилась ко мне тетя, стоя на пороге перед тем, как покинуть наш дом.

Голос ее был таким же низким, как грозовые тучи, ползущие по небу.

– Береги маму. Делай то, что говорит повитуха. Не задавай лишних вопросов.

– Эша-Маси, а вы не можете остаться еще на одну ночь?

– Извини, Сита.

Ее глаза наполнились слезами. Она не хотела покидать нас.

– Если я смогу, то приду в гости на следующей неделе.

Отец шел рядом с ее паланкином. Он проводил Эшу-Маси до дома ее мужа, стоявшего на противоположном конце Барва-Сагара. Я смотрела им вслед. Когда паланкин скрылся из виду, я почувствовала, что позади меня стоит бабушка. Так человек ощущает присутствие животного, от которого исходит угроза. Она схватила меня за плечо.

– Ступай в комнату матери и не выходи оттуда, пока она не родит.

Если бы бабушка приказала мне сделать что-нибудь другое, что угодно, но другое, я бы с радостью подчинилась, но от мысли, что придется идти в темную душную комнату, у меня перехватило дыхание и защемило в груди.

– А если что-то случится, вы придете, дади-джи?

Лицо бабушки, словно вырезанное из тика, оставалось невозмутимым. Я однажды «сказала» об этом отцу. Вместо того чтобы отчитать меня, он рассмеялся. Потом я «заявила» ему, что мамино лицо сделано из кедра. Эта древесина мягче, и по ней легче работать резцу. Его же лицо – кипарисовое. Папа немного растерялся. Он знал, что я не могла видеть кипарисовое дерево. Я напомнила ему, что Грумио из «Укрощения строптивой» у Шекспира говорит, что хранит свои самые дорогие вещи в сундуках из кипариса.

«Ты самая большая моя ценность».

Отец выглядел озадаченным, словно то, что я ему сообщила, было верхом оригинальности.

На следующий день после нашего «разговора» я нашла у себя на кровати книгу. Она, должно быть, стоила немалых денег. На кожаном переплете я увидела тисненое изображение Сарасвати, нашей богини искусств. Страницы были тщательно разрезаны и оказались совершенно чистыми.

«Конечно, они пустые, Сита. Они твои».

В уголках папиных глаз лучились морщинки. Ему с трудом удавалось не расхохотаться. Я не понимала.

«Чтобы записывать свои мысли. В Англии это зовется дневником, – чертил он пальцем у меня на ладони. – Ты очень умная девочка».

Я бы меньше удивилась, если бы отец подарил мне слона и сказал, что я должна его дрессировать.

«Возможно, никто, кроме твоих детей, не сможет прочесть этого, – продолжил «писать» отец, – но ты *калакар*, Сита».

На хинди это значит «человек искусства». Это была самая большая похвала, которую я слышала из уст отца.

Я вспомнила эти слова, когда шла по коридору к спальне матери. Но какой прок быть *калакаром*? У меня нет настоящего ремесла, как у повитухи или отца. Я постучала в дверь. Даже перед ней, казалось, нос улавливал запах пота.

– А где твоя бабушка? – отворив дверь, спросила повитуха.

– Она сказала, чтобы я отсюда не выходила до тех пор, пока мама не родит.

Морщины на лбу старухи как будто стали резче, но она ничего не ответила на мои слова. Я закрыла за собой дверь и приблизилась к чарпае, деревянной кровати, состоящей из рамы, на которую натянуты веревки. Мама посмотрела на меня, и я протянула ей руку, но у нее не хватило сил сжать мои пальцы.

– Сита, – тихо произнесла мама.

Ее красивое лицо было искажено от боли. Белая простыня, которой она была укрыта, липла к мокрой коже.

– Дитя не хочет выходить. Где твоя бабушка?

Повитуха бросила на меня строгий взгляд, давая понять, чтобы я помалкивала, она и сама справится.

– Пошла молиться, – ответила старуха. – Тужьтесь.

Мамина коса лежала на подушке, словно длинная черная змея, свернувшаяся кольцами на кровати и собирающаяся задушить маму своим телом. Я стояла у кровати и выполняла то, что приказывала мне повитуха. Когда требовалась горячая вода, я ее подносила. Когда надо было помочь натереть мамин живот маслом энотеры, я помогала.

Когда мамино дыхание затруднилось, повитуха повернулась ко мне и сказала:

– Приведи бабушку.

Я стояла в нерешительности.

– Быстро! – велела повитуха. – Дитя без помощи лекаря на свет не родится.

Развернувшись, я побежала в молельную комнату для совершения *пуджи*, где стоял алтарь и статуи богов. Я думала застать ее там молящейся, но на самом деле бабушка сидела в кухне и ела чапати²⁰.

– Дади-джи, повитуха сказала, чтобы вы пришли.

Она положила чапати на стол.

– Что я тебе приказала?

– Чтобы я оставалась в комнате до рождения ребенка, но... Дади-джи! Повитуха сказала, что ребенок не родится без помощи лекаря.

Глаза бабушки округлились. Внезапно она вскочила на ноги. Вымыв руки в миске с лимонной водой, она прошла по коридору и открыла дверь. Ей пришлось прикрыть нос краем сари. Вонь была нестерпимой.

– Шримати, – вежливо обратилась повитуха к моей бабушке (на английский, мне кажется, это обращение можно перевести как «мадам»), – вашей невестке срочно нужна помощь лекаря. Больше я ничем ей помочь не могу.

Глаза мамы были прикрыты. Единственным звуком, раздававшимся в комнате, было ее прерывистое дыхание.

– Мужчина не будет присутствовать при родах, – заявила бабушка.

– Без лекаря ваша невестка *умрет*, а дитя умрет вместе с ней. Я приведу лекаря, пока не стало слишком поздно.

Но бабушка оставалась непоколебимой.

– Мой сын никогда не поступится честью дома, позволив другому мужчине прикоснуться к своей жене.

– Дади-джи! – впадая в истерику, воскликнула я. – Ты ошибаешься. Я знаю, что пита-джи захочет...

– Вон!

– Пожалуйста! Пита-джи вернется домой, и он увидит...

²⁰ Чапати – хлеб из пшеничной муки, наподобие тонкого лаваша.

– Не заставляй меня взяться за палку!

Но в тот миг, честно говоря, мне было все равно. Что такое избиение палкой по сравнению со смертью мамы? Я повернулась к повитухе, но та лишь опустила голову, стыдясь того, что стала свидетельницей этой безобразной сцены. Я выбежала из комнаты и впервые в жизни выскочила через входную дверь на улицу. Я понятия не имела, какой дорогой папа будет возвращаться от тети, которая живет на другом краю Барва-Сагара, но я бежала так, словно за мной гнался демон Равана²¹. Только добежав до развилки дорог, я подумала, насколько же неосмотрительной была. Во-первых, папа говорил, что дети, сами бродящие по улицам, иногда теряются. Во-вторых, вам не надо рассказывать, какие ужасы могут поджидать девочку, если она оказалась одна в незнакомом месте посреди ночи.

Я остановилась и огляделась, пытаюсь понять, где нахожусь. Полная луна серебрила своим светом поле нашего соседа. Я видела высокие стебли риса, колышущиеся на ветру. Если я закричу, меня все равно никто не услышит, потому что дом соседа далеко. О чем я думала, выскочив из дома? Мое сердце стучало как бешеное, и, когда послышался стук подошв сандалий о каменистую почву, я засомневалась, не почудилось ли мне. Я застыла, скованная страхом.

– Сита!

– Пита-джи!

Я подбежала к отцу. Волнуясь, я начала говорить, а затем взяла руку отца и принялась писать на ладони: «Дади-джи отказывается послать за лекарем. Мама-джи умирает».

²¹ Равана – правнук Брахмы, персонаж эпоса «Рамаяна», антагонист главного героя Рамы. По преданию, имел десять голов.

Глава 3

До прихода лекаря было много крика. Кричала, конечно, бабушка. Те ужасные слова, которыми она называла маму, впервые заставили меня не жалеть о том, что папа глухой.

Я ушла к себе в комнату, пока бабка бушевала, и улеглась на кровать. Снова пошел дождь. Я прислушивалась к шуму падающих капель. Это помогало не обращать внимания на ее крики.

– Сита!

На пороге возникла Авани. Было поздно, и ей давно уже полагалось быть дома, но она оставалась ночевать у нас все последние три ночи.

– Думаю, тебе сейчас не помешает молоко, – сказала она.

Я привстала на кровати и с трудом сглотнула. Горло болело.

– Она умрет?

Подойдя, Авани уселась возле меня на кровати.

– Не знаю.

Она передала мне молоко, но я не смогла заставить себя пить.

– А вы что думаете?

Я не отрывала взгляда от ее лица и заметила, как дрожит нижняя губа Авани.

– Случаются такие бури, которые можно выстоять, – сказала она, – а другие все после себя смывают. Только богам ведомо, что это будет за буря.

– И что нам делать?

– Строить самую крепкую ладью. Твой отец послал за самым лучшим в Барва-Сагаре лекарем.

Но самая крепкая ладья приплыла слишком поздно.

Спустя пару часов меня разбудила Авани и сказала, что мама родила.

– Девочка, красивая и здоровенькая, – сообщила служанка. – Твой отец уже послал за кормилицей, но, Сита...

Больше она ничего не сказала. Это было излишним. Все читалось в ее взгляде так же ясно, как на странице книги.

Я побежала к маме. Папа лежал на ложе, обнимая ее тело.

– Мама-джи! – воскликнула я.

– Выведите ее отсюда! – воскликнула бабка, но отец, хотя и не слышал ее, движением руки удержал меня.

Если вам доводилось становиться свидетелем чего-то невообразимо горестного, тогда вы меня поймете. Казалось, что мир вокруг погрузился в тишину. За окнами смолк шум дождя, который прежде лил как из ведра. Смолкли крики новорожденной сестренки, которую укачивала на руках повитуха. Мама лежала без движения на кровати. Скомканная простыня под ней была пропитана кровью. Я посмотрела ей в лицо. Как может настолько красивый человек умереть, покинуть этот мир?

– Мама-джи, – прошептала я.

Глаза отца наполнились слезами.

– Сита, твоя мама умерла, – тихо произнес он. – Она не проснется.

Я протянула руку и погладила маму по щеке. Кожа оказалась холодной, и я невольно отдернула руку.

– До того, как прибудет кормилица, – сказала повитуха, – я позабочусь об Анудже.

Это имя мама заблаговременно выбрала на тот случай, если родится девочка.

Повитуха подошла ко мне и положила руку на плечо.

– Такова жизнь, – произнесла она. – Круговорот рождения и смерти. *Самсара*²². Мир постоянно меняется.

Я глядела сверху вниз на маму. Даже несмотря на обнимающую ее тело отцовскую руку, она казалась мне ужасно одинокой. Как мы будем жить без мамы? Кто будет учить мою маленькую сестру маминым любимым песнопениям? Кто будет показывать, как правильно плести венок из цветов жасмина?

– Но зачем перемены к худшему?

Повитуха часто заморгала глазами, стараясь не расплакаться.

– Теперь для вашей семьи наступают тяжелые дни.

Повитуха оказалась полностью права. Дни, последовавшие за маминой смертью, были тяжелыми и горестными.

Впрочем, вспоминая сейчас о тех днях, я ловлю себя на мысли, что почти все забыла. Наверное, так устроен наш разум. Он защищает нас от воспоминаний, которые в противном случае были бы для нас нестерпимо болезненными. То же самое случается с ящерицей. Когда ее телу угрожает опасность, она отбрасывает свой хвост, который достается хищнику, а сама благополучно сохраняет себе жизнь. Горе подобно хищнику. Кто испытал его, тот поймет. Сначала оно крадет у вас счастье, а затем, если вы позволите, и все остальное.

Однако кое-что я помню до сих пор. И прежде всего мою ненависть по отношению к бабке. Интересно, что во всех пьесах Шекспира практически нет бабушек. Если бы я могла, взяв перо, вычеркнуть ее из своей жизни, то с удовольствием сделала бы это. Уверена, позови бабка лекаря, пока папа сопровождал мою тетю домой, мама была бы жива. Но бабка предпочла убить ее. Теперь я решила никогда больше с ней не разговаривать, если удастся.

После смерти мамы к нам зачастили соседки. В течение нескольких дней наш дом был открыт для всех. Бабка превратила прощание с телом в небольшое представление. Она медленно проводила каждую гостью через дом, вытирала слезы уголком своего белого сари. Когда она входила в комнату, где на открытом паланкине лежало тело ее невестки, из ее груди каждый раз вырывался тяжелый вздох. Она была очень хорошей актрисой, моя бабка.

За три дня, пока тело мамы находилось в доме, я побывала в той комнате всего раз, и то потому, что пришел жрец-брамин составлять моей сестре *джанам кундли*, что в переводе значит «натальный гороскоп»²³. Этот гороскоп определяет дальнейшую судьбу ребенка: кем человек станет, когда вырастет, каких успехов добьется в жизни и делах, на ком женится. Последнее, пожалуй, наиболее важное. Если *джанам кундли* двух молодых людей не согласуются, свадьбы не будет вне зависимости от того, чего хотят молодые люди и их родители.

Когда Авани пришла ко мне в спальню, чтобы помочь одеться к приходу брамина, я читала *«Короля Лира»*. Она уселась на краешек моей кровати и стала наблюдать за мной.

– Ты понимаешь все, что тут написано?

Я кивнула, потому что мне так казалось. Мы с папой вместе «читали» эти пьесы. Он писал мне подробное изложение того, что происходит в каждой из пьес. Даже если я не знала всех слов английского языка, я точно знала, о чем там речь и чего ожидать в следующей сцене.

– Махараджу предали двое его собственных детей, собственная семья, – ответила я.

Я знала, что Авани смышленная. Она поймет то, на что я намекаю.

– Я понимаю, что ты очень рассержена, – сказала молодая женщина, – но тебе надо кое-что знать о прошлом твоей бабушки.

А потом Авани рассказала мне о том, что скрывала от меня мама.

²² Самсара – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии: душа, тонущая в океане самсары, стремится к освобождению и избавлению от результатов своих прошлых действий (кармы), которые являются частью сети самсары.

²³ Натальная карта – персональный гороскоп, построенный на момент рождения человека.

– Твоя бабушка происходит из очень богатой семьи. У нее было больше служанок, чем она смогла бы посчитать. Шесть женщин помогали ей одеваться. Она была непревзойденной красавицей. Говорили, что мужчины пытались проникнуть к ним в сад, чтобы хоть одним глазком посмотреть на нее.

В это я могла поверить. Бабка до сих пор оставалась привлекательной женщиной, хотя злоба иссушила ее лицо, а глаза превратились в два острых осколка оникса.

– Когда она вышла замуж за твоего деда, ее семья дала за ней самое большое приданое из всех, которые когда-либо знал Барва-Сагар. Все надеялись, что брак будет удачным. А почему бы и нет? Молодожены были богаты, красивы и отличались отменным здоровьем. Затем твоя бабушка забеременела и родила девочку. В последующие пять лет она родила еще двух девочек.

– У папы нет сестер.

Служанка слегка кивнула.

– Думаю, их забрали волки.

Ответ был настолько ужасен, что я с полминуты хранила молчание. Я не могла представить себе, как можно, глядя в миленькое личико новорожденной, добавлять опиум в молоко, которым кормишь ее. Это было слишком жестоко даже для бабки.

– Отец знает?

– Да.

– Значит, он четвертый ребенок?

– Нет. В то время, когда твоя бабушка в третий раз родила девочку, ее сестра умерла в родах, произведя на свет мальчика. Твой дед уже не надеялся родить от нее наследника, поэтому согласился с предложением твоей бабушки усыновить племянника. Надо сказать, что муж ее сестры больше пьянствовал, чем работал, и усыновление устраивало всех.

Я молчала, стараясь смириться с услышанным. Моя бабушка – мне не бабушка, она сестра моей бабушки. Моя настоящая бабушка умерла. Я представила себе мою настоящую бабушку – красивую, милую, терпеливую и добрую женщину. Так вот почему дади-джи меня не любит...

– Прошло два месяца после усыновления, – продолжала Авани, – когда твой дед заболел и умер. Твоя бабушка из женщины, которой все завидовали в Барва-Сагаре, превратилась в одну из тех, кого все жалеют.

– Ей не пришлось совершить сати, – заметила я, – отец принял ее назад.

Авани сложила руки на коленях. В глазах молодой женщины читалась усталость.

– Ты не представляешь, насколько тяжела жизнь без подруг, денег и любви.

Она говорила скорее о самой себе.

– Я тебя люблю.

Я обняла ее так крепко, как только могла. От Авани пахло жасминовым цветом. От мамы тоже пахло жасмином. Я почувствовала непреодолимое желание быть рядом с ней. Но вскоре мне пришлось отпустить Авани. Если бабка нас увидит, быть беде. Авани была всего лишь служанкой.

Молодая женщина вытерла тыльной стороной ладони слезы, наворачнувшиеся на мои глаза, и продолжила:

– Я молюсь Дурге, чтобы тебе никогда не пришлось изведать все тяготы, которые довелось испытать твоей бабушке. Сита, она пережила ужаснейший удар, когда из богатства попала в бедность.

– Будда был индийским принцем, таким же кшатрием, как мы, но нашел в себе силы отринуть богатство и добровольно стать бедным, – возразила я.

– Это был его выбор. И, что еще важнее, он был мужчиной. Мужчина может изменить свою жизнь, когда ему заблагорассудится. Женщина может менять лишь свои наряды.

Авани встала и протянула мне белое сари. Теперь мы стали с ней похожи. Вот только мне придется носить белый цвет тринадцать дней после маминых похорон, после чего я вновь переоденусь в цветное, а Авани это запрещено до конца ее дней.

Я обернула сари вокруг тела, а служанка поправила его так, чтобы ткань спадала аккуратными складками к моим ногам. Снаружи уже взошло солнце. Стайки птиц шумели на рисовых плантациях. Было тяжело осознавать, что жизнь продолжается, а моя мама лежит на погребальных носилках. Я вспомнила сцену из «Короля Лира», когда король находит мертвое тело своей дочери. Он спросил у богов, как же так: собака, лошадь, даже низкая крыса живет, – «*and thou no breath at all*»²⁴. Это казалось предательством по отношению к маме. Как птицы могут петь? Почему бог Брахма не может приказать им замолчать из сочувствия к нам?

Я подошла к окну и стала смотреть на рисовые поля. Брахман пришел не только для того, чтобы составить джанам кундли моей сестренки, – он должен был благословить дух моей мамы, который уже отправился в путь в Сваргу²⁵, куда отправляются все души, прежде чем возродиться посредством очередной реинкарнации. Я попыталась вообразить маму духом, но мысль о том, что ее тело до сих пор лежит в соседней комнате, помешала мне в этом.

К двери подошла бабка и спросила, почему Авани вовремя не привела меня в комнату, где мы совершали наши ежедневные молитвы-пуджи.

– Брахман пришел, – сказала бабка.

– Сита расстроена, – попыталась объяснить Авани.

– Мы все расстроены, – сухо произнесла бабка, – но если брамин объявит, что девочка *манглик*, будет еще хуже.

Я и Авани оторопели.

Манглик... Хуже этого быть не может. Если брамин выявит в тебе манглика, это все равно что ты проклята. Для человека с подобной натальной картой существует множество трудностей и ограничений. Например, очень трудно выйти замуж. Большинство мангликов сочетаются браком с себе подобными, ибо считается, что таким образом можно обойти плохую судьбу.

Однако не во власти бабки решать, что скажут звезды. Только брамины умеют составлять натальные карты.

Я последовала за бабкой в комнату для пуджи, где брамин будет молить о руководстве в составлении джанам кундли моей сестры. Я уселась, скрестив ноги, на джутовую циновку. Рядом на такой же циновке сидела Авани. Наверное, папа принес их сюда сегодня утром. Я посмотрела на отца, сидевшего возле брамина перед нашим *мандиром*, деревянным святилищем, на котором стояли резные изображения наших богов. Я старалась встретиться с ним взглядом, но отец, хотя и смотрел в мою сторону, мыслями был где-то далеко. Тем временем брамин обсуждал с нашей новой кормилицей то, как моя сестренка появилась на свет. Впервые мне удалось разглядеть Ануджу. Она была премиленьким младенцем. Я сразу же увидела, насколько она похожа на маму: такой же маленький носик, густые черные волосы и ямочки на щеках. Глядя на сестренку, завернутую повитухой в желтоватую ткань, я почувствовала, как мое сердце сжимается в груди. Как бы мне хотелось, чтобы ее сейчас укачивала мама!

– Правда, красавица? – произнесла Авани. – Цвет лица, как у твоей бабушки, но глаза темнее.

– Мне кажется, она похожа на маму, – довольно дерзко возразила я.

²⁴ А ты не дышишь (*англ.*).

²⁵ Сварга – один из семи небесных миров в мифологии индуизма, являющийся небесами и раем бога Индры.

Брамин занял свое место в центре комнаты. Мы все ждали в молчании, пока он готовится к пудже. Пуджа – это молитва. Обряд в общем похож на то, как верующие молятся в церкви. Для церемонии нужны ладан, цветы, масло из молока буйволицы и округлый сосуд, в котором следует развести небольшой огонь. Для придания обряду пышности можно еще использовать раскрашенные масляные лампы и большие медные колокольчики. Не считая брамина и огня, эта пуджа перед составлением джанам кундли моей сестры ничем не отличалась от того, что наша семья делала каждое утро, когда, омывшись, мы входили в эту комнату и вставали перед образами богов. Спустя много лет я узнала, что у католиков есть похожие ритуалы. Католики зажигают свечи перед статуями своих святых и повторяют мантру, которую они называют «Аве Мария». Индуисты зажигают палочки благовоний и повторяют мантры перед образами богов.

Пуджа может быть долгой и утомительной или довольно простой и не занимающей много времени. В то утро пуджа была очень долгой. До окончания церемонии вкушать пищу запрещено, поэтому она показалась мне бесконечной.

Когда брамин наконец умолк, прекратив свои песнопения, он обратился ко мне:

– Ты видела тело матери?

Я отрицательно покачала головой.

– Ребенок должен увидеть тело матери, прежде чем его унесут, – заявил он. – Когда кремация?

Поскольку отец молчал, ему ответила бабка:

– Завтра. Мой сын пойдет сегодня и сделает все нужные приготовления.

Затем мы все направились в комнату, остававшуюся прежде свободной. Мама лежала в новом желтом сари. Вокруг погребальных носилок стояли светильники. Женщины деревни усыпали ее ноги цветами календулы. Брамин встал возле тела на колени и положил поверх него розы. Потом он умастил себе лоб благовонной мазью сандалового дерева и произнес мантру. Я посмотрела на папу, но его взгляд блуждал где-то далеко. Так мореплаватель вглядывается в просторы океана, почти потеряв всякую надежду увидеть сушу.

Брамин протянул мне оранжевую гвоздику. Я должна была положить цветок на тело матери. Я подходила к носилкам, намеренно замедляя шаг. Мама казалась мне холодной и одинокой. Когда она была жива, я редко видела ее спящей. Она никогда не сидела без дела. Если ее ноги не двигались, двигались ее руки. Губы ее тоже не знали покоя. Мама очень любила петь. Я положила цветок поверх ее сложенных вместе рук и замерла, ожидая, не пошевелится ли мама. Это было очень по-детски, но тогда я верила, что, если очень страстно попрошу, Брахма сжалятся и вернет мне маму. Но ничего не произошло, и я подумала о том, что, наверное, чем-то прогневила богов и поэтому они забрали у меня маму.

Мы перешли в трапезную. Там мы отведали риса и чечевицы. После этого брамин объявил собравшимся джанам кундли моей сестры. Он оказался вполне благоприятен.

Так вышло, что брамина провожали только бабка и я.

– Как ваш сын намерен поступить с этой девочкой? – остановившись в дверях, спросил брамин и посмотрел на меня сверху вниз.

Я тотчас же отвернулась, чтобы жрец не счел меня бесстыжей.

– Сейчас, когда их стало двое, денег на приданое не хватит. Это вы хотите сказать?

– Ей уже исполнилось восемь лет?

– Девять, – внесла ясность бабка.

– Жаль, но если нет денег на приданое...

– Мы посвятим ее храму, – заявила бабка. – Она станет девадаси²⁶.

²⁶ Девадаси – в Южной Индии девочка, «посвященная» божеству при рождении или по обету, живущая и служащая при храме до конца своей жизни. Кроме выполнения религиозных ритуалов и работ по уходу за храмом и его убранством,

В то время я понятия не имела, кто такая девадаси. Знала только, что это «служанка богов». Только теперь, спустя столько лет, я понимаю, почему лицо брамина исказилось от ужаса. Между девадаси и проституткой небольшая разница. Прошло немало времени, прежде чем мне в руки попал английский перевод стиха, написанного в XV веке о девадаси, «священной служанке богов».

Я не похожа на других. Ты можешь войти в мой дом,
Но только если у тебя есть деньги.
Ты можешь переступить порог моего дома.
Это будет стоить тебе сотню золотых.
За две сотни ты можешь увидеть мою спальню,
Мою застланную шелком постель и даже влезть в нее,
Но только если у тебя есть деньги.
Ты можешь сесть рядом со мной
и храбро запустить руку в мое сари.
Это будет стоить тебе десять тысяч.
За семьдесят тысяч ты можешь коснуться
моих полных, округлых грудей,
Но только если у тебя есть деньги.
Три крора²⁷, чтобы поднести свой рот близко к моему,
Чтобы коснуться моих губ и поцеловать,
Чтобы крепко меня обнять, прикоснуться
к моему гнездышку любви,
Полностью со мной слиться...
Слушай меня внимательно: ты должен осыпать меня золотом,
Но только если у тебя есть деньги.

Брамин смотрел на нее, то открывая, то закрывая рот. Казалось, что он не находит подходящих слов.

– Их отец знает? – наконец спросил он.

– Пока нет, но это разумное решение, если нет наследника, а в семье две девочки.

Брамин бросил на нее такой взгляд, что впоследствии, когда я поняла, о чем тогда шла речь, мне было приятно вспоминать его реакцию: не только я видела, насколько бабка жестока.

В тот же день, но немного позже папа отыскал меня в саду. Я плела из диких цветов венки так, как научила меня мама. Он уселся на траву и терпеливо ждал, когда я протяну ему руку, но мне нечего было ему «сказать». Наконец он взял мою руку в свою.

«Однажды, – «написал» он на моей ладони, – когда и дади-джи, и я умрем, останешься только ты, кто сможет рассказать Анудже, какой была ее мама».

Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, но, понимая, что сейчас не время плакать, сдержалась.

«Те страницы для дневника, который я тебе подарил, пустые?»

Я кивнула.

девадаси обычно практиковали традиционные виды индийского искусства, связанного с религией. Англичане, называвшие их баядерками, считали девадаси храмовыми проститутками, что не совсем верно. Проституция не входила в круг их обязанностей, но в XIX веке часть девадаси занималась ей для личного обогащения.

²⁷ Один крор в Индии равен 10 миллионам.

«Будет нелишним записать все то хорошее, что ты помнишь о маме, прежде чем это сотрется из твоей памяти».

Я все еще писала, когда отец ушел вместе с соседом Шиваджи готовиться к маминой кремации. Из окна спальни я видела, как они вместе идут между рисовыми полями. Любой незнакомец, взглянувший на них, подумал бы, что перед ним солдаты. Высокие мускулистые мужчины. Плечи как у быков. Уверенная поступь. Тетя говорила, что Шиваджи – самый сильный в Барва-Сагаре, но лично мне казалось, что внушительный вид соседу придавали длинные усы. Шиваджи натирал их воском, а кончики закручивал вверх. У него были длинные черные волосы. Всем своим видом он напоминал мне героя книги «Тысяча и одна ночь».

– Одевайся, – сказала бабка, появившаяся в дверном проеме. – Мы едем.

Прежде, до маминой смерти, я бы очень обрадовалась и не удержалась, чтобы не спросить, куда мы едем, но на этот раз я лишь покорно поднялась и сунула ноги в сандалии. Не было смысла спрашивать, стоит ли переодеваться в цветастое сари.

Я встретила бабку у двери. Паланкин стоял наготове. Бабка дождалась, пока я заберусь вовнутрь, залезла вслед за мной и задернула шторку. Мне никогда не нравились темные, закрытые помещения, но путешествовать иным образом просто не было возможности. Женщин не должны были ни видеть, ни слышать, поэтому мы жили в тени наших домов.

Если бы меня несли с кем-либо другим, я бы смотрела из-за шторки, наблюдая, что происходит вокруг, пока паланкин движется по улицам. Вместо этого я сидела на досках не шевелясь и размышляла о том, куда мы направляемся.

– Сиди прямо и не разговаривай, когда нас принесут на место.

Я не ответила, и бабка вышла из себя.

– Ты думаешь, что мой сын тебя любит, но не путай любовь с чувством долга.

Я подумала о том, что ее слова очень точно отражают отношение папы к ней самой, потому что невозможно полюбить настолько жестокого человека, как она. Я продолжала хранить молчание и этим еще больше вывела дади-джи из себя.

– Надеюсь, ты меня хорошо слушаешь, *бети*. Я не собираюсь повторять то, что говорю сейчас. В тебе нет ничего особенного. Ты будешь жить, плакать и страдать так, как страдают другие женщины. Там, куда мы направляемся, тебе не понадобится ум, – предупредила она меня.

Бабка больше ничего не сказала, а я не спрашивала и только гадала про себя, о чем идет речь. Впрочем, даже если бы она объяснила, мой юный возраст все равно помешал бы мне понять.

Когда я услышала низкий рев раковин рапана, я поняла, куда нас несут. Звуки храма ни с чем не спутать: трубный звук раковин, журчание воды в фонтанах, перезвон колокольчиков...

– Храм Аннапурны²⁸! – выкрикнул один из носильщиков.

Паланкин поставили на землю. Выйдя наружу, я очутилась в обнесенном высокими стенами дворе. Рядом суетилось около дюжины женщин, каждая из которых расплачивалась со своими носильщиками. Бабка заплатила из кошелька, заткнутого за пояс ее белого сари. Сняв сандалии, мы поднялись по пятнадцати гладким мраморным ступеням и вошли в храм Аннапурны. Я никогда прежде не бывала здесь. Все внутри казалось внове для меня. Путь нам, несмотря на дневное время суток, освещали тонкой работы бронзовые светильники. В огромных металлических горшках рос туласи, священный базилик. Кто-то тратил на содержание храма большие деньги. Мраморные ступени были чисто подметены, а свежие благовония курились в свешивающихся перед статуей богини Аннапурны драгоценных курильницах.

²⁸ Аннапурна – богиня плодородия.

В нашей религии насчитывается около трехсот тридцати миллионов богов, поэтому меня не удивило то, что я понятия не имела об Аннапурне. Когда посторонний слышит о количестве богов, он обычно думает, что индуист только и делает, что множит своих богов. На самом деле в индуизме есть один главный бог Брама, а все другие боги и богини – его многочисленные олицетворения. Возьмем, к примеру, Дургу, которая является богиней-воительницей, олицетворением женской силы. Она воплощает собой способность Брахмы реагировать на любые брошенные ему вызовы. Шива Разрушитель олицетворяет власть Брахмы как давать, так и забирать. Обычно только ограниченное число богов повседневно присутствует в нашей жизни. Именно им мы молимся каждое утро, ища у них покровительства. Это Дурга, Рама, Лакшми, Кришна, Будда, Сарасвати и Ганеша²⁹. Мало кто из индийцев знает больше пары дюжин имен Брахмы.

Когда мы добрались до верхней ступеньки, я поклонилась так, как делали другие. Затем я помедлила несколько секунд, вглядываясь в золоченое лицо Аннапурны. Голову богини украл венки из желтых и оранжевых гвоздик.

– Мы сюда не молиться пришли, – сказала мне бабка. – Помни, что я тебе говорила. Помалкивай.

Я огляделась и увидела высокого худого жреца, который направлялся к нам. Одет он был весьма странно. Шею, запястья и лодыжки жреца украшали нити красных и белых бус. Но более всего мое воображение поразил венки из листьев нима³⁰ на его голове. Я смотрела на жреца во все глаза, хотя мне полагалось скромно потупить взгляд. Мужчина сжал свои руки в приветственном жесте намасте. Только сейчас я поняла, что он очень молод: лет двадцать – двадцать пять, не больше.

– Шримати! Вижу, вы вернулись, – произнес жрец.

В его голосе звучало удивление, хотя его удивление не шло ни в какое сравнение с моим. Я понятия не имела, что бабка посещала этот храм после маминой смерти. Впрочем, последние дни я ходила словно в тумане. Вполне возможно, она покидала дом, а я даже не обратила на это внимания.

– А это, должно быть, та девочка, – произнес жрец.

Было что-то неприятное в его улыбке, застывшей на лице, пока мужчина осматривал меня с головы до ног.

– Она худая.

– Ей всего девять лет.

Жрец задумчиво кивнул, обошел вокруг меня и остановился, глядя мне прямо в лицо.

– Она очень симпатичная. С таким личиком она сможет найти себе хорошего мужа. Зачем ее отцу на это соглашаться?

– Не важно. Сколько согласна заплатить богиня?

Жрец приподнял брови.

– Зависит от того, девственница ли она.

– Конечно, девственница. Она росла в моем доме.

Мимо прошла группка женщин. Они очень низко поклонились жрецу. До нас донеслось хихиканье. Отполированные до зеркального блеска браслеты позвякивали у них на руках. Одеты женщины были в изумительной работы сари. Такой роскоши я прежде никогда не видела. Шелковая ткань была украшена вышивкой из серебряных и золотых бусин. Ткань шелестела и развевалась при легком дуновении ветра. Мне очень хотелось протянуть руку и прикоснуться к ней кончиками пальцев.

²⁹ Ганеша – бог мудрости и благополучия.

³⁰ Ним (маргоза) – чудо-растение, широко используемое в аюрведе. Жители Индии издавна применяли целительные свойства этого дерева.

– Три тысячи рупий, – сказал жрец, когда женщины прошли.

– Вы понимаете, что она не из далитов³¹, а из семьи кшатриев?

– Была бы она из далитов, мы вообще не стали бы рассматривать ваше предложение.

В храме бывают самые богатые мужчины Барва-Сагара.

– К такой девочке мужчины будут съезжаться со всего Джханси. Думаете, я не знаю, кто будет платить за девочку, которая говорит не только на хинди, но и по-английски? Она будет пользоваться спросом у богатых британских офицеров.

Я понятия не имела, о каком спресе идет речь. Возможно, храму нужен переводчик? Бабка сказала, что в этом месте ум мне не понадобится. Что может быть более утомительным, чем переводить письма для офицеров?

– Пять тысяч. Не больше.

– Пятнадцать.

Улыбка мужчины погасла.

– Вы забываете, что это Барва-Сагар, шримати, а не Джханси.

– Я с легкостью смогу отдать ее храму Дурги на одной с вами улице.

Они смотрели в глаза друг другу, но жрец, по-видимому, не знал, что бабку с ее ледяным взглядом на непроницаемом лице просто невозможно пересмотреть.

Наконец, издав вздох, жрец изрек:

– Тринадцать, но никогда прежде столько за девадаси мы не платили.

Я увидела в глазах бабки озорные огоньки. Такое случалось крайне редко. Взяв меня за руку, она потащила меня прочь.

– Куда вы идете? – В голосе жреца послышались жалостливые нотки. – Разве мы не договорились?

– У девочки умерла мать. Похороны завтра. Я приведу ее на следующей неделе.

– Но...

Бабка остановилась и порывисто развернулась.

– Я знаю, что вам не терпится. Заверяю: вы приготовите деньги, а я – девочку. Она сюда вернется, но на следующей неделе.

Жрец смотрел на меня сверху вниз. Даже если я доживу до ста лет, ни за что не забуду выражение его глаз. Если вам довелось когда-либо побывать в зоопарке и вы, возможно, присутствовали во время кормежки львов, то наверняка обратили внимание на то, какой жадный взгляд у этих хищников. Именно таким, по-дикому жадным, взглядом провожал меня жрец. Ни один мужчина ни до того, ни после не осмеливался так на меня смотреть. Всю дорогу домой я старалась понять, почему его взгляд настолько сильно меня расстроил.

Паланкин поставили на заднем двореке возле нашего дома. Бабка почти вплотную наклонилась ко мне. Когда она заговорила, я ощутила, как ее дыхание обдувает мое ухо.

– Мы никуда сегодня не ездили. Мы обрадуем твоего отца хорошей новостью на следующей неделе.

Но папа вернулся вечером домой, находясь в настолько удрученном настроении, что мое молчание показалось мне сродни предательству. Не знаю, как бабке удалось заставить кормилицу и Авани помалкивать насчет нашей поездки. В конце концов она была их хозяйкой. В определенном смысле их жизни зависели от воли моей бабки. Мне пришлось несладко. Я все время вспоминала худого жреца в глупом венке из листьев нима, который ходил вокруг меня, словно кот. Что ему от меня было нужно? Почему женщины так странно хихикали, когда проходили мимо нас?

³¹ Далиты – неприкасаемые, индийское название нескольких каст, не входивших в четыре традиционные варны индийской иерархии. Они считаются способными осквернять членов более высоких каст, особенно браминов. По одной из версий, группа каст неприкасаемых возникла в глубокой древности из местных племен, не включенных в общество завоевавших Индию ариев.

От всех этих вопросов я долго не могла заснуть той ночью.

В жизни индуски не так уж много случаев, когда можно смягчить строгость пурды. Похороны – один из них. Вечером следующего дня наша семья и друзья собрались на берегу реки Синдх. Черный шрам на песке обозначал место, где горели погребальные костры. Мы наблюдали за тем, как складывали дрова на этом месте. Я слышала, что некоторые женщины говорили, что если нарушаешь пурду, то потом готова умереть на месте от стыда. Странно. Я присутствовала на похоронах родной матери, мое сердце переполняло горе, но при этом я ощущала необыкновенное чувство свободы. Стоя на берегу реки, я наблюдала за летящей в небе стаей гусей, чьи тела черными пятнышками темнели на фоне предзакатного багрянца, и пыталась представить себе, что значит быть свободной каждый день.

Но дрова наконец были уложены. Я ощутила страшный холод. Я была ничтожна, словно песок у меня под ногами. Я плакала, пока брамин укладывал тело мамы ногами на юг, так чтобы ее дух знал, где проходит тропа мертвых. Когда огонь запылал, я спросила себя, повела бы меня бабка в храм, останься мама жива. Интуиция подсказывала мне, что не повела бы.

Отец обнял меня за плечи. Я чувствовала, что он сейчас смотрит на меня, но я слишком расстроилась, поэтому не подняла голову. Мне не хотелось, чтобы папа видел горе, застывшее в моих глазах. Жар пламени, обдавая лицо, высушивал слезы прежде, чем они успевали увлажнить мои щеки. Папа протянул руку с раскрытой ладонью, но мне нечего было ему «написать». В моей голове проносилось слишком много образов: мужчина в венке из листьев нима, женщины в красивых сари, храм с кучками красной куркумы, которой молящиеся умащивают себе лбы во время богослужения... Я постаралась вернуться мыслями к маме. Передо мной, словно наяву, возникли два образа: мама срывает в саду тулси, называемую также священным базиликом, для алтаря и мама с помощью маленькой кисточки с ручкой из черепахового панциря подводит себе утром глаза сурьмой. Затем перед моим внутренним взором опять замелькали образы храма и я почувствовала необъяснимый страх.

Папина рука по-прежнему была протянута, поэтому я быстро ее схватила и «написала»: «Пожалуйста, не отсылай меня работать при храме».

«В каком храме?»

«Дади-джи возила меня туда вчера. Я не хочу работать на офицеров. Пожалуйста, питаджи. Я хочу остаться с тобой».

Папа взглянул поверх пламени погребального костра на бабушку. Когда ее глаза встретились с моими, я поняла, что она знает о том, что я проговорила.

То, что наши соседи собрались во внутреннем дворике, а половина Барва-Сагара стояла снаружи, не имело значения. Никогда наш дом не знавал большего скандала. Стены, казалось, дрожали от папиного рева и бабкиных криков. Из-за взаимной ярости понять их было непросто. Я спряталась у себя в комнате. Ко мне пришла тетя.

– Она на самом деле водила тебя в храм, Сита? – спросила она.

– Да. Жрец сказал, что заплатит тринадцать тысяч рупий. Вы знаете, что это все значит?

Тетя кивнула, но ничего объяснять не стала. Мы прислушивались к ссоре. Внезапно дверь распахнулась и на пороге возник отец. Он указал рукой на мой дневник. Я схватила его с полки и протянула папе, не уверенная, то ли он хочет что-то написать, то ли это должна сделать я.

Спустя несколько секунд в комнату вошла бабка.

Папа взял перо и на чистой странице дневника написал: «Всех здесь присутствующих я призываю в свидетели: если со мной что-либо случится, ни одна из моих дочерей ни за что не станет девадаси. Денег на два приданных у меня нет, подходящих мужей обеим дочерям я

найти не смогу, поэтому завтра я начинаю обучать Ситу для того, чтобы она впоследствии стала членом дурга-дала».

Слова «ни за что» он подчеркнул.

Бабка ни читать, ни писать не умела. Она взглянула на тетю, чтобы та ей прочитала. Узнав содержание записи, бабка с шумом вобрала в грудь воздух.

– Дурга-дал – самый элитный отряд женщин в княжестве. Ни одна женщина из Барва-Сагара никогда не становилась дургаваси, – заявила она. – И ты серьезно хочешь, чтобы Сита стала одной из тех, кто не только охраняет рани, но и *развлекает* ее?

Ноздри отца нервно трепетали. Он, конечно, не слышал, о чем она говорит, но общий смысл, судя по всему, понял.

– Избирают только десятерых. Все они должны быть красивыми и умными! – Бабка забрала перо у своего приемного сына и протянула тете: – Спроси, что будет, если она не справится. Пиши!

Тетя вывела вопрос своим мелким аккуратным почерком.

«Справится, – написал в ответ папа. – Я и наш сосед Шиваджи займемся ее обучением».

Как только тетя прочитала написанное отцом, лицо бабки побагровело.

– Уже три года никого не брали в дурга-дал. У тебя просто нет времени на эти глупости. А как же новая жена? Тебе нужна женщина, которая будет растить твою дочь и родит тебе наследника! – диктовала она моей тете.

Ответ папы был таков: «Пока Сита не станет дургаваси, о новом браке не может быть и речи».

Он положил перо. Решение было принято.

С того момента бабка делала вид, будто меня нет на свете. Поскольку с отцом она могла общаться только знаками, наш дом погрузился в тишину. Мне бы хотелось соврать вам, сказав, что после этого все было хорошо, что теперь я наслаждалась обретенным покоем, но это не так. Любой человек, которому довелось пожить в доме из яичных скорлупок, знает, насколько там все непрочно.

По утрам, когда Авани приходила одевать меня, мы больше не смеялись. Бабка сказала служанке, что я бесстыжая девчонка. Не знаю, поверила ей Авани или нет, но с тех пор мы уже не чувствовали себя свободно, общаясь друг с другом. Я видела, как служанка нянчится с Ануджей. Тогда мне казалось, что, будь я младше, покладистее, стыдливее, дела могли бы обстоять иначе. Постепенно я свыклась с тишиной в нашем доме, которая напоминала замерзшую реку: сверху – твердость и непроницаемость, а вся жизнь сосредоточилась под безжизненным льдом.

Глава 4

1846 год

Отец свято верил в то, что меня примут в дурга-дал рани и я стану членом ее элитной охраны. Он сдержал свое слово и уговорил соседа Шиваджи помогать ему в подготовке меня к тому дню, когда одна из дургаваси уйдет на покой. Когда это случится, никто не знает. Возможно, через месяц, возможно, через пять лет. Но когда бы это ни произошло, я должна быть наготове. Рани всегда охраняют десять женщин. Как только одна уходит на покой, объявляют состязание, чтобы найти ей замену.

Хотя у Шиваджи было трое сыновей и хватало забот, он приходил каждый день к нам домой и несколько часов учил меня. Я была единственным ребенком в нашей деревне, который вставал до рассвета, чтобы заниматься поэзией, санскритом, английским, хинди, а также боевыми искусствами, необходимыми для службы дургаваси, а именно владению саблей, борьбе и стрельбе из лука и огнестрельного оружия. Прежде чем я начала учиться искусству боя, моя голова была забита содержанием глупых книг, которые я читала вместе с папой. То были «Три мушкетера» и «Приключения Робин Гуда». В первый день обучения я надела новые *награ*. Эта кожаная обувь была довольно простой, но тогда мои башмаки, украшенные тиснением в форме красных и золотых цветков лотоса, казались мне самыми чудесными и экзотическими вещами на свете.

«Видишь эти толстые кожаные подошвы? – «написал» папа после того, как, вручив мне *награ*, перевернул их и продемонстрировал подошвы. – В них ты не будешь поскользнуться».

«Я буду ходить в них каждый день?» – не поверила я в собственную удачу.

«Да, и прежде всего, когда идет дождь».

«А это?» – Я указала рукой на зеленую ангаркху и хлопчатобумажную рубашку до колен, стягивающуюся на поясе, которые он принес вместе с башмаками.

«И это тоже для тебя. А вот *чуридары*».

Он протянул мне узкие зеленые штаны. Я никогда прежде не надевала на себя ничего подобного. Чуридары немного жали в области лодыжек и талии, но в ногах были свободными и не стесняли движений. Голову я повязала белым куском материи под названием *муретха*, чтобы пот не попадал в глаза. Признаться, я почувствовала себя очень сильной, облачившись во все это.

Но правда оказалась далека от мечты. Ничего хорошего не было в том, чтобы вставать в предрассветном холоде с кровати и начинать стрелять из лука в цель не раз, а сто раз, двести раз – до тех пор, пока все мои стрелы не попадали в цель. Летом в моей деревне бывало жарко и душно. Зимой дули холодные, пронизывающие ветра, которые проникали под одежду, как бы тепло я ни одевалась. Когда ты стоишь в открытом всем ветрам внутреннем дворике с холодным скимитаром³² в руках, а потом сражаешься с мужчиной раза в три больше тебя массой тела, ничего подобного с тем, о чем читаешь в «Трех мушкетерах», не испытываешь. Тяжелая, изнуряющая работа.

Я научилась сражаться со своим врагом одной палкой, освоила прием, благодаря которому могла отрубить голову одним ударом сабли. Меня научили, как защищаться, используя удары рук и ног, захват шеи или плеча на тот случай, если я окажусь безоружной. День за

³² Скимитар – обобщенный европейский термин для различных восточных сабель.

днем я тренировалась, оттачивая каждое движение, пока они не стали для меня столь же естественными, как ходьба или бег.

Через несколько лет я превратилась из маленькой девочки Ситы в кого-то другого. Сначала изменения были едва уловимыми. На моих ногах и руках появились мускулы, которых раньше не было, а ладони, прежде нежные и мягкие, теперь заметно огрубели. Потом физические изменения стали еще более значительными. Я превратилась в высокую поджарую девушку с узкой талией и впалыми щеками – от детской пухлости не осталось и следа. Каждое утро я перетаскивала тяжелые камни из одного конца двора в другой, но при этом не ощущала усталости. Эта девушка владела стальной саблей, могла носить на спине большой мешок с пшеницей и нести одновременно в каждой руке по большому деревянному ведру, наполненному водой. Маленькая Сита ничего этого делать не могла. В прошлом она была обычной девочкой, а теперь стала, пожалуй, самой сильной женщиной в Барва-Сагаре.

В первое утро, когда я начала кровоточить, я передала Авани, чтобы она сказала бабке, что я стала женщиной. Это было страшнее, чем что-либо из того, чему меня обучал Шиваджи во дворе. А бабкина злость лишь подливала масла в огонь.

– Все кончено! – кричала старуха на кухне, обращаясь к Авани. – Ни один мужчина в Барва-Сагаре не захочет ее себе в жены.

Мне слишком нездоровилось, чтобы в тот день тренироваться с Шиваджи. Я уселась перед корзиной, в которую были сложены мои игрушки, и принялась перебирать их. Когда я была маленькой, папа подарил мне двух тряпичных кукол, деревянную лошадку и вырезанного из чурбачка медведя. Я взяла куклу с длинными черными волосами и посадила ее себе на колени. Я вспоминала, как в прошлом говорила вместо куклы и делала вид, будто она расхаживает по комнате, но сейчас это было бы глупо. Мне уже исполнилось двенадцать лет.

Я сидела за столом и размышляла о других девочках моего возраста. Те, кто, как и я, стали женщинами, готовились покинуть дом, наблюдали за тем, как складывают их приданое в сундуки, а затем прощались со своими семьями. В этом отношении я была счастливее их. Мне не придется прощаться с отцом, чтобы в следующий раз, скорее всего, увидеть его на погребальном костре. Я могу жить в родительском доме, видеть, как растет Ануджа, спать в своей постели и есть приготовленную Авани чечевицу до тех пор, пока не пройду состязания у рани. Возможно, впереди у меня еще много лет спокойной жизни. А потом, если меня постигнет удача и я стану дургаваси, мне уже никогда не выйти замуж и не иметь детей. С этого времени моя жизнь будет принадлежать рани.

– Что ты делаешь? – спросила Ануджа, входя в мою комнату.

Ей уже исполнилось три годика. Девочку переполняли вопросы, как накрытый крышкой котелок на огне переполняет пар.

– Думаю.

Ануджа залезла ко мне на колени.

– Можно я буду думать вместе с тобой?

Она унаследовала от мамы не только тонкие черты лица, но и изящество ее фигуры. Сестру всегда интересовало, почему бабушка на нее кричит и почему умирает птенец за окном. Гамлет говорил, что в падении воробья видна воля Провидения. Но как можно объяснить сестре это?

– Да.

Ануджа немного помолчала. Затем любопытство взяло свое.

– Почему ты не тренируешься с Шиваджи?

– Он сегодня решил передохнуть, – выкрутилась я. – Он сказал: «Ступай и скажи Анудже, что сегодня Сита научит ее держать саблю».

– Не хочу саблю, – отрицательно замотала головкой сестренка. – Хочу поиграть с Моли. Так звали ее игрушечную кошку. Бабка запрещала держать в доме настоящую кошку.

– Но мы играли с Моли вчера.

Ануджа приникла головкой к моей груди.

– Тогда почитай мне сказку.

Я зажмурилась, представив себе, что моя собеседница способна понять, как трудно упражняться в боевых искусствах, ожидая дня, который, возможно, вообще никогда не настанет. Наверняка есть сотни женщин, которые упорно готовятся, чтобы оказаться в Джханси, столичном городе, где живут махараджа Гангадар Рао и его рани. Но в своей деревне я одна такая.

Когда Ануджа прижалась ко мне своей головкой с мягкими волосиками, мне ужасно захотелось, чтобы сестренка поскорее выросла и смогла понять, что для меня значат мои тренировки. Я потеряла лодыжку, которая болела после вчерашних упражнений.

– Сказка... Как насчет «Павлина и черепахи»?

Ануджа согласно кивнула, и я начала.

* * *

Конечно, в Барва-Сагаре не осталось ни одной семьи, которая бы не знала о ссоре между папой и бабушкой, разразившейся после маминых похорон. Разумеется, все в нашем доме знали, что папа думает насчет возможности сделать кого-либо из его дочерей девадаси. Тем не менее, пока бабушка оставалась жива, существовал риск, что мы все равно будем отправлены в храм, – в том случае, если с папой что-то произойдет. Вас интересует, как такое возможно? Ну, во-первых, если папа умрет, никто не захочет содержать двух девочек в своем доме. У тети есть собственные дети. Ее муж не согласится работать в поте лица, чтобы содержать нас с сестрой до самой нашей смерти. Я уже слишком стара, чтобы иметь шанс выйти замуж. Если я не стану дургаваси, то не смогу заработать деньги на приданое Анудже. Кто в Барва-Сагаре согласится взять на себя такую обузу, как мы с сестрой?

Теперь вы понимаете, почему, когда отец этой зимой прихворнул, Шиваджи настоял на том, чтобы я забросила изучение хинди и санскрита, который и так неплохо знала, и сосредоточилась на верховой езде.

«Все дургаваси умеют ездить верхом, – написал Шиваджи в маленькой красной книжке моего отца. – Я знаю, ты боишься сажать ее в седло. Мы найдем ей мерина и только потом пересадим на жеребца. То, что Сита не ездит верхом, – ее единственная слабость».

Мой отец, закутавшись в три слоя плотной ткани, отдыхал возле жаровни, на которой тлели угли. Лекарь заявил, что это болезнь легких. В ближайшие несколько недель улучшения в состоянии отца он не предвидел. Лекарь, сторонник аюрведической медицины, сказал, что больному следует вдыхать горячие пары с маслом эвкалипта трижды в день.

Если вы ничего не знаете об аюрведе, то я расскажу. Это самая древняя медицина на свете. Она основана на нескольких ведах, написанных более чем два тысячелетия назад. В них описывается все, что должен знать лекарь, – начиная от болезней глаз и хирургии носа и заканчивая родами в случае, если плод неправильно лежит в теле матери. Столетие назад британские врачи приплыли из Англии для того, чтобы увидеть, как наши лекари оперируют больных. Они увезли полученные здесь знания, а затем распространили их в Европе. Некоторые люди не верят, что веды – так мы называем определенные древние тексты, написанные на санскрите более двух тысяч лет назад, – до сих пор заслуживают доверия. Санскрит – язык Пингалы³³, который примерно в то же время писал о размерах стихосложения. Его трактат, как впоследствии поняли математики, был о двоичной системе счисления.

³³ Пингала – древнеиндийский математик, известный своим трудом под названием «Чандас-шастра» или «Чандас-сутра» – трактат на санскрите о стихосложении, считается одним из Веданг.

Однако даже при аюрведическом лечении отец два дня не выходил из своей комнаты. Я принесла ему полдюжины книг, но всякий, кто был болен, знает, что чтение для удовольствия и чтение для того, чтобы скоротать время, – совсем разные вещи.

Отец замешкался, прочитав слова Шиваджи, и только после продолжительной паузы наконец вывел пером: «Где мы добудем спокойного мерина?»

«Обещай, что будешь заниматься с Ситой каждое утро, и я найду мерина».

«Когда? По утрам мы занимаемся языками».

«И как языки смогут ее выручить, если рани объявит о состязании в следующем году? – написал Шиваджи. – Сита может сойти за семнадцатилетнюю, но ее неумелость будет всем очевидна. Нихал! Ее надо учить ездить верхом».

Отец смотрел в окно на землю Шиваджи, которая граничила с нашей. Поля белели под тонким слоем изморози. Издалека земля казалась большим, покрытым льдом озером. Сейчас, когда рис был собран, Шиваджи особо ничем не был занят и вполне мог уделить моему обучению достаточно времени.

«Ладно. Мы прекращаем уроки хинди и санскрита», – написал отец.

Шиваджи в задумчивости подкрутил кончики усов.

«Я не вижу особого смысла в английской поэзии».

Сердце мое учащенно забилося в груди. Никто не мог быть более благодарной своему учителю, чем я, но мне также вела была его ограниченность. Если при виде дерева, чьи длинные ветви раскачиваются на ветру, ты думаешь о длинных женских волосах, а очертания облака напоминают тебе черепаху, в глазах Шиваджи ты выглядишь странным человеком, ибо твои полеты фантазии кажутся ему непонятными. Я смотрела на отца и мысленно молила его не прекращать наших утренних чтений. День мой был заполнен упражнениями с саблей и стрельбой из лука и огнестрельного оружия. Только во время уроков с отцом ум мой по-настоящему парил, словно ястреб, высвободившийся из силков.

«Английская поэзия сделает Ситу лучшим воином», – написал отец.

От удивления брови Шиваджи поползли кверху, пока почти не скрылись под копной длинных волос.

«Чему Сита должна обучаться?» – написал папа.

«Владению саблей и луком», – был ответ.

«В обоих случаях важен ритм. Чтобы послать четыре стрелы одну за другой и попасть точно в глаз быку, нужны не только меткость, но и точный расчет времени. В этом ей поможет чтение сонетов Шекспира».

Никогда не задумывалась над этим. Впрочем, гармония в стрельбе из лука присутствует. Ты вынимаешь из колчана стрелу, кладешь ее на тетиву, натягиваешь, целишься, отпускаешь... Поэзия в действии. Шекспир писал: *«Взойди ясное солнце и убей завистницу-луну»*. Пятистопный ямб отражает ритм сердцебиения, ритм упражнений с оружием, когда Шиваджи учит меня во дворе.

Сосед посмотрел на меня, ожидая подтверждения слов отца, и я сама удивилась, когда убежденно заявила:

– Так оно и есть.

Шиваджи надул щеки и выпустил воздух.

– Тогда завтра. К тому времени я найду подходящую лошадь.

После ухода соседа отец указал на шахматы, расставленные на доске, которая стояла на деревянном стуле. Он вырезал их из мангового и тикового дерева еще до моего рождения. Обычно мы играли с ним по вечерам, но после начала болезни мы еще ни разу с ним не играли.

«А можно? – «написала» я у него на ладони. – Тебе нужно отдохнуть».

Папа рассмеялся.

«И лишиться возможности выиграть?»

Он уже несколько месяцев не мог у меня выиграть. Ученица превзошла учителя.

«Я знаю, ты не позволишь больному человеку проиграть».

Я улыбнулась.

«Посмотрим».

Из трех партий папа выиграл две.

«Или твои мысли витают где-то далеко, или ты на самом деле меня пожалела».

Скорее всего, и то, и другое.

«Ты нервничаешь из-за предстоящих уроков верховой езды?» – догадался папа.

Я пожала плечами.

«Не волнуйся, – «написал» он на моей ладони, сжимая другой рукой одну из фигур. – Каждое из искусств, которым ты овладела, – еще один шаг, приближающий тебя к королю. Ты со всем справишься».

«Надеюсь».

«Ты научилась играть в шахматы, научись и скакать. Ты не позволишь страху помешать тебе».

Потянувшись, он погладил меня по голове.

Когда Шиваджи пришел позже тем же днем и сообщил отцу, что собирается одолжить животное у местного устроителя свадебных бараатов³⁴, я подумала, что мерин будет украшен цветами и попоной из атласной ткани. Его единственным предназначением в жизни было благополучно довести жениха по улицам деревни к дому его невесты. Все кони, которых мне прежде довелось повидать в жизни, ходили под украшенными драгоценными камнями седлами, и на сбруе у них позвякивали серебряные колокольчики. Когда на следующее утро Шиваджи привел к нам во двор мерина без каких-либо украшений, то, как ни стыдно это признать, первой моей мыслью было: он голый. А потом я подумала: «Какой же он громадный!»

Сказать, что мне было не по себе, все равно что сказать, будто мышь ощутила легкое беспокойство, когда перед ее норкой появился кот. Я никогда прежде не видела лошадей с близкого расстояния и, разумеется, не прикасалась к ним.

Шиваджи взмахом руки подозвал меня к себе.

– Сита! Это Радж. Радж! Познакомься с Ситой.

Я ничего не слышала. Кровь стучала у меня в ушах. Я вся словно онемела, не могла заставить себя потянуться и погладить животное так, как делал Шиваджи. Я боялась, что мерин что-нибудь откусит у меня.

– Это лошадь, а не дикий зверь, – сказал сосед. – Подойди.

Взяв мою руку, он поднес ее к продолговатой морде животного. Отец ранее строгонастрого приказал мне во всем слушаться Шиваджи, каким бы пугающим ни казалось то, что сосед заставит меня делать.

«Животные чувствуют твой страх», – предупредил меня папа, а затем, откинувшись на подушки, прикрыл глаза.

Я не хотела его разочаровывать, особенно сейчас, когда он болеет.

Я погладила белые волосы коня на его морде.

– Ему понравилось, – удивившись, сообщила я Шиваджи.

– Видишь? Нечего бояться. Все невесты в Индии на таких катаются. Даже Анудже любопытно.

³⁴ Бараат – свадебная процессия от дома жениха к дому невесты и обратно, обставленная с огромной пышностью.

Я повернула голову. И впрямь, Ануджа уже спешила познакомиться с неизвестным ей животным, появившимся в нашем дворе. Сестра, судя по всему, сбежала от Авани. Ее вьющиеся волосы, спутавшись, висели расплетенными. Она семенила босиком по утоптанной земле, хотя девочке полагалось ходить в *джути*.

– Это лошадь, – сообщил Шиваджи моей сестре. – Если хочешь, можешь подойди поближе.

Глаза сестренки округлились. Я была благодарна за любую отсрочку, лишь бы не залазить на это животное.

Шиваджи поднял сестру на руки и поднес к Раджу. Мерин втянул ноздрями воздух и фыркнул.

– Ты ему понравилась, – сказал Шиваджи. – Лошади фыркают только тогда, когда маленькие девочки им нравятся.

Ануджа рассмеялась. Она потянулась и погладила мерина по морде.

– Его мех щекочет.

– Не мех, а волосы. Мне кажется, он хочет, чтобы ты села на него верхом.

Шиваджи посадил Ануджу в седло и придерживал ее. Сестренка хихикала. Я почувствовала стыд – всего несколько секунд назад я боялась сделать то, что сейчас делала сестра.

– Вы представляете, что скажут соседи, если она свернет себе шею? Какая семья позволит девочке садиться на лошадь?

Заслышав бабкин голос, мы трое дружно обернулись. Она спешила по двору, тоже босая, без *джути* на ногах.

Шиваджи снял Ануджу с мерина и опустил на землю.

– Убирайся домой! – закричала бабка.

Сестра побежала в дом. Бабка перевела взгляд на меня.

– Сегодня вечером вы обе не будете ужинать.

– Это моя вина, – произнес Шиваджи.

– Это *ее* вина! – указывая на меня пальцем, сказала бабка. – Ты вознамерилась скакать по Джханси простоволосой, словно гулящая девка. Волосы будут развеиваться у тебя на ветру, а на поясе будет висеть сабля.

Другие женщины на ее месте заковыляли бы обратно по утоптанной земле внутреннего двора, а бабка величественно, словно призрак, поплыла прочь, всем своим видом демонстрируя отсутствие любви и нежности к живым.

Я медленно подошла к мерину. Шиваджи сообщил, что на нем английское седло, и повторил, что мне нечего бояться. Вот только ни одно другое существо не вызывало в моей душе такого трепета, как эта лошадь. Мне трудно было собраться с мыслями. Я посмотрела в сторону и увидела Авани. Служанка вышла из дома, чтобы постирать наше постельное белье в бадье, стоящей на крыльце.

– Ты о чем-то задумалась.

– Извините.

Шиваджи сложил руки на груди.

– Скажи, Сита, – понизив голос, хотя никто, кроме служанки, не мог нас сейчас слышать, произнес он, – кто будет кормить семью, когда твой отец постареет и не сможет работать?

– Я.

– Только ты. Ты *должна* стать дургаваси. Твой отец дважды спас мне жизнь в Бирме. Я перед ним в долгу.

Папа никогда мне об этом не рассказывал. Мне хотелось задать Шиваджи вопрос, но в этот момент взгляд его был слишком суров.

На Раджа я забралась с третьей попытки. Я ощутила огромное облегчение, когда урок закончился, а мерин не попытался сбросить меня с седла.

В тот вечер папе в его спальню принесли горячую *тахари*³⁵, а нам с сестрой велено было уходить из кухни. Ануджа уставилась на горшок, полный риса и картофеля. Ноздри ее вдыхали запах чеснока и гороха.

– Я хочу есть.

Улыбка бабки была тонкой и острой, словно лезвие моего скимитара.

– Тебе следовало хорошенько подумать, прежде чем идти сегодня за этим грязным животным.

Ануджа не поняла.

– За что? – тонюсеньким голоском спросила она.

Я слегка подтолкнула сестру в сторону моей комнаты.

– Мы будем читать, – сказала я с напускной беззаботностью. – Пища для разума вместо пищи для живота.

Когда мы вошли в мою комнату, я взяла с полки «Сказки братьев Grimm». Это сокровище папа подарил мне на десятый день моего рождения, сказав, что книга из Джханси.

– «Золушку» или «Белоснежку»? – спросила я.

– «Рапунцель»!

Я принялась читать сказку, надеясь, что сестра забудет о голоде и заснет. Ее глазенки уже начали закрываться, а ресницы отбрасывали тени на щеки, когда бабка распахнула дверь. Она несла поднос, на котором стояла миска, прикрытая крышкой.

– Тахари! – воскликнула Ануджа.

Она бросилась к дади-джи и обняла ее за ноги.

– Прочь!

Сестра тотчас отпрянула. Это было не тахари. Миска для тахари была сравнительно небольшой.

– Встать.

Мы повиновались. Бабка подняла крышку и принялась сыпать ложкой соль из миски на пол.

– На колени.

Когда никто из нас не сдвинулся с места, бабка пригрозила:

– Поднимите подола ваших *курт* и становитесь на колени, иначе я возьмусь за палку!

Я первой подняла подол и подала Анудже пример повиновения. Затем я стала коленями на соль. Когда Ануджа последовала моему примеру, ее нежной кожеце сделалось больно, и сестра вновь поднялась.

– На колени!

Бабка схватила ее за руку и заставила опять опуститься коленями на соль. Не будь папа глухим, он бы услышал плач Ануджи, даже если бы сейчас стоял посреди соседского поля.

– Вы будете стоять, пока я не вернусь.

Слезы бежали ручейками по щекам Ануджи. Ее плач превратился в истерику.

– Дади-джи! – воскликнула я. – Она задыхается...

– Молчать! А не то я завяжу тебе рот! – пригрозила Анудже бабка.

Я посмотрела на сестру и округлила глаза, стараясь, чтобы она поверила: такое возможно.

Бабка вернулась спустя час. К тому времени Ануджа выплакала все слезы, но я знала, что не смогу рассказать об этом отцу. Если я проговорюсь, бабка будет терпеливо ждать,

³⁵ Тахари – острое кушанье на основе риса и зеленого горошка со специями.

чтобы позже, когда меня примут в дургаваси рани, наказать сестру, вновь поставив ее на соль. А может, сделает с ней что-нибудь похуже. Я отнесла сестру на чарпаю в ее комнату и дала напиток воды.

– Почему дади-джи так меня ненавидит?

– Она тебя не ненавидит, – тихо произнесла я. – У нее была очень трудная жизнь. Это сделало дади-джи раздражительной и злой.

Я подняла одеяла и подождала, пока сестра под них заберется.

– Помнишь котенка, который приковылял к нам во двор в прошлом месяце?

– Тот, со сломанной лапкой?

– Да. Что случилось, когда ты хотела прикоснуться к его лапке?

– Он меня укусил.

– С дади-джи то же самое. Боль делает нас несчастными и злыми.

– А что у нее болит?

«Ничто», – пронеслось у меня в голове.

У нее был любящий сын, добрые соседи и достаточно еды.

– Ее боль не внешняя, как у котенка, она вот тут. – Я прикоснулась к груди Ануджи в области сердца. – Когда болит там, эту боль просто невозможно унять.

– Значит, она всегда будет злой?

Я задумалась. Может, лучше солгать? Но какой в этом смысл?

– Да, боюсь, что всегда...

Глава 5

1850 год

Когда в Барва-Сагаре женщина празднует свое шестнадцатилетие, обычно готовят праздничный обед, который она делит с мужем. Дом ее свекра украшают цветами. Муж по традиции делает ей небольшой подарок, например, преподносит новый гребень или нарядное сари. Поскольку дома свекра, украшенного розами, у меня не было, пришлось отпраздновать мое шестнадцатилетие, не получая, а даря подарки.

Ануджа стояла у моей кровати. Я вытащила из корзинки небольшой сверток, который спрятала еще несколько недель назад. Глаза девочки расширились. С болью в сердце я подумала, что передо мной стоит семилетняя копия мамы.

– Это тебе, – сказала я, протягивая сестре завернутый в ткань подарок.

Ануджа пощупала края подарка.

– Дневник? Как у тебя? – предположила она.

Я научила Ануджу читать и писать, когда ей исполнилось шесть лет.

– Разверни.

Девочка развернула ткань и взяла в руки книгу.

– Дневник! – воскликнула она.

Я отрицательно покачала головой.

– Полистай.

После того как Ануджа прочитала несколько строк, ее глаза наполнились слезами и покраснели. На этих страницах было записано все, что я помнила о маме. Там были хорошие и плохие воспоминания, записи о том, как мы сидели в тихом месте, а мама пела *ragi* в честь Шивы.

– Спасибо, Сита! Спасибо! – Ануджа обняла меня так крепко, как только могла. – Но почему? Сегодня же *твой* день рождения!

– Мама-джи гордилась бы тобой. Мне хочется, чтобы ты побольше о ней узнала.

– Когда ты пройдешь все испытания, – вдруг произнесла Ануджа, – ты будешь приезжать ко мне в гости?

– Конечно, буду. Мы никогда надолго не расстанемся.

«Если вообще когда-либо будут эти самые испытания», – пронеслось в моей голове.

– Обещаешь?

Сестра смотрела на меня мамиными глазами.

– Да. А теперь пришло время пуджи.

Я провела ее в комнату для совершения пуджи и позвонила в колокольчик, чтобы боги узнали о нашем приходе. Затем мы опустились на колени перед ликами Дурги и Ганеши. Я произносила мантру в честь Дурги. Мы дотрагивались до ступней богов правой рукой, а затем кончиками пальцев касались наших лбов. Наконец я подождала две палочки благовоний и помолилась о том, чтобы день прошел гладко и, как обычно, чтобы час состязания настал побыстрее.

Спустя несколько дней, когда я упражнялась в стрельбе из лука, боги вняли моим молитвам. Шиваджи принес в наш дом поразительную новость.

– Рани отправила на покой одну из дургаваси, – сообщил он. – Состязания назначены через двенадцать месяцев.

– Тогда мне уже исполнится семнадцать. Даже лгать не придется.

Шиваджи хотел что-то мне сказать, когда раздался крик Ануджи:

– Сита!

Сестра, запыхавшись, подбежала к нам.

– Там, на земле, птица с перебитым крылом!

Мы пошли туда, куда показала Ануджа. Маленькая бюльбюль с черным оперением и ярко-красными щечками прижимала поврежденное крыло к своему крошечному тельцу. Ануджа нагнулась и взяла птичку.

– Можно ее вылечить? Кто-нибудь знает, как ей помочь?

На лице Шиваджи отразились противоречивые чувства. Конечно, он хотел ей помочь, но сейчас надо было начинать занятие со мной.

– Думаю, мой младший сын сможет помочь. У него дар целителя. Иногда он ходит к лекарю животных и помогает ему.

Пока Шиваджи ходил за сыном, я принесла дупатту и повязала голову этим легким шарфиком, который носят наши женщины.

– Помните Ишана? – вместо того чтобы представить сына, спросил Шиваджи.

Паренек застенчиво улыбнулся. Я слышала, что недавно он отпраздновал свое четырнадцатилетие, но для своего возраста Ишан был каким-то очень уж худым и низкорослым. Самый младший и самый щуплый из трех братьев. Поклонившись, Ишан коснулся ног моего отца правой рукой, затем – третьего глаза и места на груди, под которым билось сердце. Таково обычное приветствие в Индии, особенно если младший по возрасту не видел старшего уже довольно продолжительное время.

– Ишан! – воскликнула бабка, спешно выходя из дома во двор.

Ануджа тут же придвинулась поближе ко мне.

– Только взгляните на него! – произнесла бабка, словно впервые в жизни увидела какое-нибудь экзотическое животное. – Вылитый отец. Такой же высокий и красивый.

На самом деле паренек не был ни высоким, ни красивым, но, глядя на бабку, я невольно начинала ей верить. Бабка была похожа на опал – камень, при взгляде на который никогда нельзя сказать, какого он цвета в действительности. Все зависит от того, под каким углом на него падает солнечный свет.

– Боги всегда благоволит к тебе, Шиваджи. *Три* сына – и ни одной дочери!

– Возможно, именно поэтому я так привязался к вашим внукам, – сказал сосед. – Мне так и не удалось познакомиться с маленькими девочками.

Я преисполнилась благодарности по отношению к Шиваджи.

Хотя папа стоял рядом с ней, бабка не удосужилась скрыть своего отвращения.

– Я все время говорю Нихалу, что сыновья приращивают богатство дома. Ему надо еще раз жениться. Нельзя гнить здесь заживо с двумя дочерьми на руках. Разве я не права, Шиваджи?

Соседу было явно не по себе. Он подергал себя за ус. Его сын стоял, уставившись в землю.

– Я не вправе указывать другому человеку, что ему следует делать, – наконец произнес Шиваджи. – Ишан, посмотри, что с птичкой.

Сестра до сих пор держала маленькую бюльбюль в своих ладошках, прижимая ее к груди, чтобы согреть. Помедлив, она неохотно протянула птичку сыну Шиваджи. Паренек отнес бюльбюль к небольшому столику, стоящему под окном кухни.

Ануджа стояла рядом с ним, пока Ишан лечил птицу. Паренек сказал девочке крепко держать бюльбюль, пока он обматывал полоской ткани ее тельце, чтобы закрепить сломанное крыло. Они работали молча. Я взглянула на Шиваджи. На лице мужчины застыло задумчивое выражение.

Вечером я пошла в комнату для совершения пуджи. Я молилась перед статуей Дурги, богини женской силы и убийцы демонов. Я просила помочь мне победить в состязаниях, но также проявить благоволение к моей сестренке. Пусть у нее будет хороший муж.

– Кто-нибудь добрый, – молилась я. – Пусть хорошо заботится о ней, когда папа умрет, а меня рядом с ней не будет.

Я прикоснулась лбом к джутовой циновке, затем подожгла вторую палочку благовония и наблюдала, как дым клубится вокруг статуи богини. Задолго до моего рождения папа много времени и сил потратил на то, чтобы вырезать каждую из десяти рук богини, сжимающих всевозможные виды оружия. Вскоре мне доведется показать, на что я способна в обращении с большинством из зажатого в руках богини оружия. Это определит не только мою судьбу, но и судьбу Ануджи.

В этот момент до меня донеслось сдавленное сопение. Поднявшись, я пошла дальше по коридору, чтобы проверить, что там такое, и застала сестру всхлипывающей у себя в постели.

– Почему ты плачешь? – спросила я.

Сестра зарылась лицом в подушку.

– Ануджа!

Девочка отвернулась к стене. Я села на чарпаю и стала ждать, когда Ануджа заговорит со мной.

– Никто меня не любит, – наконец произнесла она.

– Кто тебе такое сказал?

– Ты от меня уезжаешь.

– Ану! Я уезжаю для того, чтобы постараться обеспечить тебе счастливое будущее. Разве ты не хочешь выйти замуж и иметь детей?

– Я хочу остаться с тобой.

– Если я выдержу все испытания, то буду жить в городе, стану воительницей и никогда не выйду замуж, – сказала я и добавила: – У меня не будет своих детей. Разве ты не хочешь большего для себя?

– Ты уезжаешь, а я останусь с дади-джи.

– И с пита-джи. Не забывай об этом.

– Он всегда чем-то занят.

– Да, но он обязательно найдет время, чтобы почитать тебе.

Девочка улыбнулась, но затем ее лицо вновь омрачилось.

– Пожалуйста, не оставляй меня с ней.

– Ану, я ведь уезжаю не навсегда. Здесь мой дом.

Я не сомневалась, что сестра чувствовала мою искренность и знала, что это не пустые слова.

Глава 6

1851 год

Однажды, мне тогда было пять или шесть лет, один из приближенных махараджи проезжал Барва-Сагар, направляясь в куда больший по сравнению с нашей деревней город. Когда процессия следовала через Барва-Сагар, все жители столпились, следя за этим захватывающим зрелищем. Приближенный махараджи ехал впереди повозок, которые тянули покрытые атласными попонами верблюды и волю. Позади ехала длинная вереница двуклоков. Возницы сидели на козлах, защищенные от знойного солнца большими серебряными зонтами. Женщины деревни, сгрудившись, стояли за деревянными решетками самого большого в Барва-Сагаре храма и с благоговейным ужасом взирали на мужчин, восседающих на усыпанных драгоценными камнями седлах. Даже мама, на которую обычно не производили особого впечатления золото и роскошь, смотрела на все это широко распахнутыми глазами.

– Такое тебе уже никогда больше не удастся увидеть, – сказала она мне.

Что бы она подумала, если бы узнала, что через несколько дней еще более пышная процессия приедет в Барва-Сагар из города Джханси с единственной целью: решить, достойна ли я стать десятой дургаваси в дурга-дале или нет.

Как бы ни повернулись события, а меня, признаюсь, немного пугало, что все жители деревни, а также, возможно, и жители соседних деревень, вскоре обо всем узнают. Правда, я очень много времени и сил тратила на тренировки, чтобы излишне нервничать по этому поводу. Если я потерплю неудачу, значит, потерплю. Если мне будет сопутствовать удача, на следующее утро я вместе с *диваном*³⁶ рани, так называют у нас главного министра, отправлюсь в мой новый дом, во дворец махараджи в Джханси.

В течение последующих двух дней у меня не было тренировок с Шиваджи и я занималась подготовкой оружия: полировала отцовский кинжал до зеркального блеска, поправляла тетиву на луке. Я знала, что среди претенденток я не буду той, у кого самое лучшее оружие, но была уверена, что очень хорошо владею тем, что у меня есть. Если нервы не подведут меня, я с этим справлюсь.

Однажды, когда я стреляла по мишени, поставленной Шиваджи под нашим деревом, до моего слуха долетели слова бабки, обращенные к Авани:

– Она умеет стрелять из лука, но кто научит ее быть приветливой и очаровательной?

Я понимала, что не следует обращать внимания, что бы там бабка ни говорила. Ей хочется, чтобы меня постигла неудача. Она стремится посеять во мне сомнения в собственных силах. Однако на следующее утро, когда рассвет окрасил оранжевым румянцем наш двор, я спросила у Шиваджи, не права ли бабка насчет того, что мне нужно быть приветливой и очаровательной.

– Да. Женщин в окружение рани выбирают не только по причине отличного владения оружием, – сказал он, усаживаясь под нашей священной фигой рядом с моим отцом. – В дургаваси выбирают также тех, кто сможет поддержать с рани беседу и развлечь ее. Это значит, что они должны быть красивыми и умными.

Я училась владеть оружием на протяжении восьми лет, в стрельбе из лука я превзошла Шиваджи, но никогда за все эти годы речь не заходила о красоте и уме.

³⁶ Диван – слово шумерского происхождения, высший орган исполнительной, законодательной или законосовещательной власти в ряде исламских государств, а также титул руководителя данного органа. Европейцы впервые познакомились с мебелью характерной формы именно на собраниях дивана.

– А как я смогу со всем этим справиться?

– Тебе ни с чем не придется справляться, Сита. Ты и так обладаешь всеми нужными дургаваси качествами.

Я посмотрела на отца. Он, судя по всему, разделял мнение соседа. Папа улыбнулся.

– Я думаю, что сегодня мне надо поработать над тем, чтобы быть очаровательной, – предложила я.

Шиваджи рассмеялся.

– Очаровательной женщина становится после того, как она осознает, насколько красива. Просто тебе нечасто говорили, что ты красива, Сита.

Я застенчиво прикоснулась к своим волосам.

– Не только здесь, – указывая на мое лицо, сказал Шиваджи, – но и здесь. – Он коснулся рукой своей груди в области сердца. – Ты очаровательна, потому что образованна и честна. Во дворце столь замечательные качества будут оценены по достоинству. Сегодня разумнее будет продумать то, что ты скажешь, когда придет диван.

В течение трех дней папа и Шиваджи занимались моей подготовкой к беседе с диваном. Мы обсуждали ответы на вопросы, которые может задать диван, даже на такие неожиданные, как, например: «Какое твое любимое блюдо?»

В последний перед испытаниями день Шиваджи сказал:

– Сотни девочек по всему княжеству годами готовятся к появлению в их деревне дивана. Почти любое место во дворце можно купить, предложив взятку...

При мысли об этом сердце мое сжалось.

– Но еще ни одна не смогла за взятку попасть в дурга-дал. Окончательный выбор зависит от дивана. Когда он приходит к выводу, что нашел подходящую девушку, поиски прекращаются.

Я молчала. Если они найдут подходящую девушку сегодня, прежде чем я смогла бы себя проявить, то...

– Когда диван будет с тобой беседовать, – продолжил Шиваджи, – тебя постараются запутать. Возможно, ты услышишь о непредвиденных опасностях, угрожающих как рани, так и другим. Во всех случаях правильный ответ: рани. Если тебя спросят, кто высшая власть во дворце, отвечай: рани Лакшми. Если прозвучит вопрос, кому ты должна быть предана, отвечай: рани Лакшми. Дурга-дал – ее личная охрана, не махараджи. Дургаваси должны защищать и развлекать рани, и никого больше.

Взяв перо, отец написал в своей книге: «Список твоих умений послан дивану еще три месяца назад. Он может проверить, насколько ты хорошо владеешь ими».

«Каких именно умений?» – написала я в ответ.

«Только тех, которые у тебя получаются без ошибок: стрельба из лука, владение саблей, стрельба из пистоля, езда верхом, *латхи* и *малкхамб*».

Если вы не знаете, то *латхи* – это длинная, окованная железом бамбуковая палка, а *малкхамб* – что-то вроде гимнастики.

«И все твои умения разума, – продолжал отец, – то, что ты замечательно играешь в шахматы, говоришь на хинди, маратхи и, самое главное, по-английски».

Я не стала спрашивать, почему английский настолько важен. Знание английского, пожалуй, единственное, что выделяет меня на фоне сотен других девушек, надеющихся на удачу. В 1803 году раджа Джханси подписал договор о дружбе с Британской Ост-Индской компанией. Тринадцать лет спустя был подписан еще один договор. По нему британцы обещали не вмешиваться в порядок престолонаследования в княжестве. Спустя несколько лет договор о взаимных гарантиях переписали. Теперь правитель Джханси должен был выпрашивать одобрение у британцев, не имея возможности передать трон по своему усмот-

рению³⁷. Начиналось все с носа, но теперь верблюд уже полностью влез в шатер. Раджа Гангадар Рао стал править в Джханси лишь потому, что британцы предпочли его другим претендентам. Теперь английский звучал при дворе почти так же часто, как хинди.

– Диван разговаривает по-английски, – предупредил меня Шиваджи. – Если ты не уверена в том, что какое-то слово уместно, лучше его не произносить.

Взяв папину красную книжку, он написал: «Если она завтра пройдет, ей понадобится новая одежда, по меньшей мере две ангаркхи, одна – в дорогу, другая – для двора. И еще тапки».

– Разве я не могу одеваться в то, что у меня уже есть? – спросила я.

Шиваджи был непреклонен:

– Только не в Джханси.

«Если удача будет сопутствовать ей, я за день все достану», – написал отец.

Что касается меня, то я не могла загадывать наперед. Все мои мысли были обращены к дивану, который сейчас ехал на восток княжества лишь для того, чтобы повидаться со мной.

* * *

На другое утро Ануджа всюду следовала за мной. Она была рядом, когда я обмывалась. Она стояла на коленях в комнате для пуджи, моля, чтобы мне хватило сил произвести благоприятное впечатление. Сестра сидела возле меня, пока Авани подводила мне глаза сурьмой, красила губы и заплетала мне косу. Однако же, когда я протянула к ней руку, сестренка вдруг отстранилась. Впрочем, я понимала, чем вызвана ее грусть.

– Помнишь, как мы читали вместе «Бхагавадгиту»? – спросила я.

Ануджа не ответила.

– Помнишь, как Кришна убедил Арджуну пойти войной на своих собственных братьев, хотя сердце его к этому не лежало? Почему Арджуна сражался?

Сестра молчала, наблюдая, как Авани надевает на мои запястья зеленые кольца-браслеты. Отвечать она не собиралась, поэтому я продолжила:

– Потому что так будет правильно. Смерть его братьев спасла тысячи невинных жизней в будущем. Иногда, Ану, мы должны совершать поступки, которые нас печалят, но при этом их все равно надо совершать ради будущего.

Сестра не сводила глаз с Авани, которая тем временем достала из обычно запиравшегося сундука мамы золотые серьги и тонкое ожерелье.

Когда служанка уже собралась надеть их на меня, Ануджа вдруг произнесла:

– Можно мне?

Авани отошла в сторону. Ощувив прикосновение маленьких рученок к шее, я с трудом сдержала слезы. Я напонила себе, что делаю это также ради сестренки. На протяжении нескольких недель я наблюдала за тем, как Ануджа выхаживает крохотную бюльбюль, видела ее слезы счастья, когда птичка наконец улетела. Иногда птицы получают увечья и умирают, но потом возрождаются в здоровых телах. Это *самсара*. Однако Ануджа была слишком нежной и ранимой, чтобы рационально ко всему относиться. Потери, боль, расставания... Я должна защитить сестру.

– Посмотри в зеркало, – изумленно произнесла Ануджа. – Ты принцесса.

Она была права. Я не узнала женщину в зеркале: обрамленная золотом длинная шея и полные, ярко накрашенные губы на бледном лице. Это лицо принадлежало замужней жен-

³⁷ В тот период власть раджи Джханси полностью зависела от доброй воли британцев, которые помешали более сильным соседям завоевать государство. Также британцы остановили междоусобные войны между несколькими претендентами на власть в Джханси, превратив княжество в своего послушного сателлита.

щине из богатой семьи, осчастливленной хорошим мужем, имевшей по крайней мере двоих детей и в перспективе – долгую жизнь, полную семейных обязанностей. Ничего общего со мной настоящей. Стоя перед маминым зеркалом, я поклялась, что постараюсь подарить Анудже будущее, которого была лишена сама.

Во дворе собрались все: отец, брамин, Шиваджи, три его сына, а также множество соседей, пришедших якобы поддержать отца, но на самом деле жаждущих увидеть дивана. Даже тетя, ее муж и дети приехали с противоположной околицы Барва-Сагара, чтобы посмотреть на то, как я буду демонстрировать свое искусство дивану. Со времени похорон мамы наш дом не знал такого количества гостей.

Женщины собрались на кухне, где Авани и бабка раскладывали на подносах угощение: сладкое молоко в глиняных мисках, нарезанные свежие фрукты, жареные молочные шарики с сиропом и шербет с розовыми лепестками. Лично мне есть не хотелось. Я сидела в своей комнате и ожидала, когда до моего слуха долетят звуки приближающейся процессии. Я не должна выходить из дома до приезда дивана. Впервые наши соседи увидят, как женщина нарушает правила пурды.

– В этом нет ничего постыдного, – заявил Шиваджи и напомнил мне: – В Джханси женщины вообще не соблюдают пурду и свободно разъезжают по улицам наравне с мужчинами.

– И такое заведено во всех больших городах?

– Нет, только в Джханси, и там это в порядке вещей.

Я согласно кивнула, но, когда пришел отец и «написал» на моей ладони, что процессия дивана вошла в деревню, сердце мое бешено забилося в груди.

«Ничего не бойся, – добавил отец. – Пан или пропал».

Он полез к себе в курту и извлек кулон из бамбука, вырезанный в форме павлина, на длинном кожаном ремешке. Украшение легло мне на ладонь.

«Сегодня ты должна стать всевидящей, как павлин с сотней глаз, – «написал» он. – А еще тебе надо уподобиться бамбуку. Под порывами шквального ветра он гнется, но никогда не ломается».

До собравшихся на внутреннем дворике стали долетать звуки музыки. Это приближалась процессия дивана. Люди во дворе вмиг умолкли. Маленькие ступни Ануджи зашлепали по коридору. Сестра пришла, чтобы позвать меня. Рука отца сжала мою руку.

– *Субхамна*³⁸, маленькая пава! Пусть тебе сопутствует удача, – сказал он.

Я завязала ремешок на шее и опустила павлина под мою ангаркху.

– Сита! Он здесь! Диван рани приехал! – ворвавшись в комнату, взволнованно произнесла Ануджа. – Пора!

Я поспешила к двери, у которой стояла бабка с серебряным подносом в руках. В Индии гостей принято приветствовать, сделав круговое движение таким вот подносом и поднеся его поближе к голове новоприбывшего. В разных местностях на подносе лежат разные предметы, но всегда есть зажженный светильник *арати* и небольшой сосуд с киноварью, которой на лбу дорогого гостя делается красный священный знак – *тилак*.

Несмотря на все самоуверенные заявления, которые я делала, пытаюсь успокоить Ануджу, сейчас, ступая по внутреннему дворику собственного дома, я волновалась больше, чем иностранец, впервые ступивший на чужую землю. Диван³⁹, сопровождаемый двумя дюжинами мужчин, облаченных в двубортные сюртуки западного покроя, ожидал меня за деревянными воротами нашего дома. Слуга держал над головой дивана небольшой, обшитый по краям кисточками зонтик, защищавший правителя от лучей утреннего солнца. Слуга

³⁸ Желая удачи (*хинди*).

³⁹ В Джханси были два дивана, но здесь речь, судя по всему, идет о Рагхунатхе Сингхе.

дивана был худым, но его господин – еще худее. Учитывая, что голова у дивана была большой, мне показалось, что мужчина похож на огромный стебель кукурузы⁴⁰.

Отец встал слева от меня, Шиваджи – справа.

– Спокойно, – прошептал сосед, когда мы начали подходить к дивану.

Я держала поднос с арати так крепко, как только могла. Затем я сделала перед диваном круговое движение. Когда пришло время окунуть большой палец в сосуд с киноварью, а затем начертать тилак на челе дивана, моя рука дрогнула.

«Дыши ровно», – приказала я себе, зная, что мне придется проделать эту церемонию по отношению ко всем присутствующим здесь мужчинам.

Когда я поприветствовала каждого из мужчин, диван пересек внутренний дворик и уселся на широкой мягкой подушке желтого цвета, которую слуга положил под нашим деревом. Все приехавшие вместе с ним мужчины расположились слева от него, а жители Барва-Сагара выстроились справа. Я вместе с отцом и Шиваджи стояла посередине. Мы все трое поклонились дивану. Я ощущала на себе взгляды односельчан, которые пялились на меня, первую женщину в истории Барва-Сагара, нарушившую законы пурды... Кто знает, за сколько лет?

– Сита Бхосале! – произнес диван.

Его голос оказался на удивление глубоким, а не высоким и тонким, словно камыш.

– Ты – дочь Нихала сына Адинатха из варны кшатриев. Я не ошибаюсь?

– Да.

– Тебе семнадцать?

– Исполнилось в прошлом месяце.

Диван щелкнул пальцами. Молодой слуга поднес ему трубку и торопливо поджег табак. Диван глубоко вдохнул табачный дым, затем выдохнул, не сводя с меня взгляда. Павлин с важным видом проковылял по двору в поисках тени. Я вспомнила о павлине под ангаркхой. Я понимала, почему папа подарил мне этот кулон. В Индии павлинов уважают за то, что они убивают змей. Эта птица всегда настороже. Павлин защищает юных и невинных детей от змей, которые, ползая по земле, всегда готовы напасть.

– Ты похожа на девушек с картин Нихала Чанда⁴¹, – произнес диван.

Сидя на мягкой подушке, он подался вперед. Облачка дыма из трубки вилась вокруг его лица.

– Ты их видела?

Я чувствовала, что щеки мои краснеют.

– Да, диван-джи.

У кого не было копий работ Нихала Чанда, одного из величайших художников Индии? Когда он был еще жив, махараджа Савант Сингх дал художнику рисунок своей любимой певицы, красавицы Бани Тхани. Нихал Чанд взял бесхитростный рисунок и создал серию миниатюр, изображающих идеальной красоты женщину: бледные щеки, чувственные губы, высокий лоб, тонкие брови и большие, цвета лотоса глаза. Это лицо художник использовал для всех изображений богини Радхи⁴². Так некоторые европейские художники рисовали мадонн с лиц проституток. То, что меня сравнили с Бани Тхани Нихала Чанда, было как комплиментом, так и оскорблением.

– Посмотрим, столь же твои таланты поразительны, как твоя красота...

⁴⁰ Американские сельскохозяйственные культуры кукуруза и картофель уже были завезены англичанами в Индию.

⁴¹ Нихал Чанд (1710–1782) – выдающийся индийский художник, представитель раджастханской школы живописи.

⁴² В пуранических текстах (пураны – на санскрите «древняя былина») описывается вечная возлюбленная Кришны, воплотившаяся вместе с ним на земле более 5000 лет назад. В одних течениях индуизма Радху почитают как воплощение Лакшми, а в других, являющихся частью кришнаизма, ей поклоняются как источнику Лакшми и всех остальных женских проявлений Бога.

Диван приказал своим слугам вынести все те виды оружия, во владении которыми я упражнялась все восемь лет: мушкеты с фитильными замками, ножи, луки, сабли, ружья, пистолеты, топоры и кинжалы. Мишени расставили по всему двору. Диван сказал, чтобы я выбрала любимое оружие. Я тотчас же отдала предпочтение отполированному до блеска тиковому луку, украшенному вставками из черного дерева. Прежде я только раз видела настолько же красивое оружие. Отец получил заказ от очень богатого купца. Тому хотелось сделать роскошный подарок в качестве части приданого своей дочери. Тем не менее, уже зная, что выберу лук, я сделала вид, будто колеблюсь, глядя на широкий выбор оружия. Мне хотелось произвести на дивана впечатление человека, прекрасно владеющего всеми представленными видами оружия и просто не знающего, на чем остановить выбор. Наконец я взялась за лук. Я закинула кожаный колчан за спину, встала перед маленькой белой мишенью, выставленной на противоположной стороне двора, и взялась за первую стрелу. Папа давал мне стрелять из разных луков, поэтому у меня не возникло трудностей и я сразу же приспособилась к новому оружию.

Я чувствовала на себе взгляды всех присутствующих, которые неотрывно следили за тем, как я посылаю одну, вторую, третью стрелу в мишень. Я слышала, как женщины позади восторженно закричали, когда последняя стрела расщепила древко первой, вонзившейся в мишень. Я должна признать, что почувствовала тогда прилив самодовольства. Мне ужасно хотелось увидеть выражение на лице дивана. Но я, повернувшись, лишь скромно потупила взор и положила оружие перед ним.

– Пистолет, – распорядился он.

По тому, как звучал его голос, не было возможности определить, доволен диван или просто скучает.

Меня по-быстрому проверили на владение всеми оставшимися видами оружия. Уверена, что все присутствующие смотрели на меня с толикой восхищения, ибо до этого все они знали о существовании девочки Ситы, но никто понятия не имел, что есть на свете воительница Сита. Наступило время для разговора. Я была готова. Я заняла свое место между отцом и Шиваджи. Я стояла перед диваном, ожидая вопросов, но посланец рани хранил молчание. Когда я рискнула взглянуть ему в лицо, то не смогла ничего понять. Он доволен или нет? Почему приехавшие с ним люди тоже молчат и только переминаются с ноги на ногу, стоя под палящими лучами солнца?

– Скажи мне, – наконец произнес диван. – Эти ли мужчины готовили тебя к тому, чтобы стать телохранительницей Ее Высочества в дурга-дале?

– Да, диван-джи, пита-джи и наш сосед, многоуважаемый Шиваджи.

– Повтори это по-английски.

Я сделала так, как велел диван. Судя по всему, он остался доволен.

– Ты умрешь за рани? – вдруг спросил он.

– Да.

– Ты предпочитаешь лук и стрелы?

– Да.

– Кому ты будешь верна во дворце Джханси, если тебя завтра туда увезут?

Мое сердце екнуло в груди. Шиваджи хорошо подготовил меня к собеседованию.

– Рани, – ответила я.

Диван поднес трубку ко рту и вдохнул табачный дым. Выдохнув, мужчина щелкнул пальцами. К нему подошли трое слуг. У двоих глаза были подведены сурьмой. Головы их были повязаны женскими дупаттами. Кое-кто из мужчин дивана рассмеялся, но никто из деревенских даже не улыбнулся. Я знала, что сейчас все они думают о том, не ходят ли мужчины в Джханси вот таким образом – одетые как женщины, с колокольчиками на лодыжках и браслетами-кольцами на запястьях.

– Однажды, – произнес диван, и я поняла, что проверка продолжается, – ты окажешься в одной комнате с рани Джханси.

Один из мужчин, повязанный дупаттой, выступил вперед и занял свободное место между мной и диваном. Мужчины вокруг него снова рассмеялись.

– В той же комнате находится мать махараджи.

Второй мужчина в одежде женщины присоединился к первому и слегка поклонился.

– Я тоже нахожусь там.

Последний мужчина в огромном желтом тюрбане, похожем на тюрбан дивана, тоже выступил вперед, стараясь придать себе горделивую важность.

– Вдруг чужак проникает во дворец!

Слуга, одетый во все черное, на которого я прежде не обратила внимания, прыгнул в середину их живописной группки. Все трое слуг притворились испуганными.

– В комнате есть только один пистолет для защиты, – произнес диван. – Кому ты его дашь?

По внутреннему дворику прошелестел шепот. Слуги дивана переглянулись, они уже слышали этот вопрос раньше. Очевидным ответом было отдать его рани, но... Как насчет матери махараджи? Разве она не самая важная персона в комнате? Или отдать оружие дивану? Наверняка он считает себя достойным чести защитить семью своего повелителя.

Уже почти настал полдень. Солнце высоко стояло на небосклоне. Пот начал стекать ручейками у меня по спине. Я окинула взглядом деревенских. Они потягивали из глиняных пиал сок манго. Им было все равно, постигнет меня удача или неудача. Я стала для них сегодня всего лишь развлечением. Рядом со мной кашлянул Шиваджи. Он нервничал. Внезапно я поняла почему... Диван неправильно сориентировал меня, задав этот вопрос.

– Никому я не стану отдавать пистолет, – сказала я.

По двору разнесся удивленный шепот.

Диван подался вперед на своей подушке.

– Почему?

– Пистолет останется у меня.

Краем глаза я видела, как деревенские качают головами, но слуги дивана хранили молчание.

– Ты не отдашь его рани? – спросил диван.

– Нет.

Он опустил руку с трубкой. Теперь в его глазах светился истинный интерес.

– Объясни.

– Зачем ей пистолет, если это мой долг – защитить рани? Разве не для этого я нахожусь в комнате?

Диван откинулся назад на подушку и улыбнулся.

– Сита Бхосале из Барва-Сагара, – произнес он, – приготовься. Завтра на рассвете ты едешь со мной в Джханси.

Еще до рассвета мы совершили краткую пуджу. Папа подарил мне четыре новые ангаркхи и две пары нагр. Тетя положила одежду в резной деревянный сундук, который я должна была взять с собой в дорогу. Внезапно слезы навернулись мне на глаза и я чуть не расплакалась. Что, если пройдут долгие годы, прежде чем я снова приеду в Барва-Сагар? А может, рани вообще не разрешает дургаваси видеться со своими семьями? Никто мне не рассказывал, как живет в Джханси. От деревни до города – день пути. Даже папа, который во время своей молодости побывал в Бирме, ни разу не был во дворце раджи.

Я встала перед ликом Дурги. Каждого, кто находился сейчас в комнате, обуревали разные чувства: тетя и ее муж улыбались с надеждой, светящейся в их глазах, папа был грустен и горд, а сестра выглядела потерянной.

Отец пересек комнату и взял меня за руку. Некоторое время мы просто стояли и держались за руки. Затем он раскрыл мою ладонь и «написал»: «Я буду очень скучать по тебе, Сита, но я тобой горжусь».

Он прижал мою ладонь к своей груди, потом прикоснулся к медальону, вырезанному для меня, и произнес:

– Как бамбук. Клонись, но не ломайся.

Слуга дивана постучал в дверь нашего дома. Затем он объявил, что лошадь для меня оседлана. Как и предрекла бабка, я поскачу в Джханси с саблей на боку. Пурда теперь мне не указ.

– Не уезжай! Пожалуйста, не уезжай!

Ануджа бросилась ко мне и обняла меня за талию, когда слуги вынесли мой деревянный сундук и погрузили на повозку, запряженную волами.

Я взглянула на бабку. На ее губах играла странная улыбка. Затем она рассмеялась.

– Ты же не думала, что она вечно будет с тобой? – произнесла бабка. – Сита верна только себе.

– Ануджа, не слушай ее, – сказала я. – Я вернусь раньше, чем ты думаешь.

– Когда?

– Не знаю, но обещаю.

Мы вышли во двор. Слуги дивана наблюдали за тем, как я сажусь на серую в яблоках лошадь, оседланную английским седлом. Павлины разбежались в стороны, когда лошадь фыркнула и принялась гарцевать на месте.

– Можно еще задержаться на день? – взмолилась Ануджа.

Слуги дивана улыбнулись. Наверняка сейчас они думали о собственных дочерях, но на лице самого дивана, как мне показалось, застыло неудовольствие.

Я сорвала голубую муретху, повязанную у меня на лбу, и протянула сестренке.

– Сбереги. Я за ней вернусь, – сказала я.

Ануджа потянулась к подарку, крепко сжала его в ладошках и кивнула.

Теперь пришло время прощаться с отцом.

Когда мы наконец отправились в путь, в моем горле образовался тугой комок, который я с трудом проглотила.

Тем не менее, несмотря на охватившую меня печаль, сопровождавшую наше расставание, я бы солгала, не сказав, что с нетерпением ждала возможности увидеть мир за пределами моей небольшой деревни. Мужчины, стоя вдоль дороги, пялились на великолепную процессию, проезжающую мимо. Из-за деревянных ширм храмов и домов на нас смотрели глаза жительниц Барва-Сагара. Восседая на лошади, я чувствовала себя важным павлином или вожаком во главе большой стаи. Я понимала, что среди односельчан есть такие, которые считают, что я вещь, обыкновенная проститутка. А кто еще будет скакать с непокрытой головой, нарушая пурду? Но ничего, кроме одобрительных возгласов, я не слышала. Теперь я стала важной особой.

Когда мы покинули деревню с ее домами из обожженных кирпичей и камня, пейзаж начал меняться. Бескрайние поля злаков простирались до горизонта, из-за которого уже начали пробиваться тонкие пальцы солнечного света. Золотистые колосья качались на утреннем ветерке. Мужчины обменивались шутками, но никто со мной не заговаривал. Постепенно на полях стали появляться мальчишки. Колокольчики на шеях коров мелодично позвякивали. Люди готовились к еще одному долгому трудовому дню, но, увидев пышную

процессию, прекращали работу и провожали нас взглядами. Мальчики бежали вдоль дороги и предлагали нам сок из пиал.

– Это девушка! – кричали некоторые, завидев меня, и смеялись.

Я была уверена в том, что окружающее совсем не вызывает интереса у дивана и его людей, но лично я за всю жизнь всего лишь шесть раз покидала пределы внутреннего двора нашего дома. Все увиденное вызывало в моей душе необыкновенный подъем: богатство красок растущих вдоль дороги цветов, пропахшие специями базары, красивые храмы... На протяжении столетий никто из женщин в моей семье не видел всех этих чудес.

К полудню, однако, ехать стало очень уж жарко. Над пыльной дорогой в воздухе поднималось дрожащее марево. Теперь я жалела, что подарила Анудже мою муретху. Диван ерзал в седле.

– Обед! – без предупреждения объявил он.

Наша кавалькада остановилась. Мужчины завели лошадей под деревья баньяна и стреножили их. С полдюжины слуг в спешке раскладывали в тени мягкие подушки, чайники, чашки, кувшины и миски, полные риса, овощей и сладостей. Меня усадили на красную подушку подле дивана. Слуга протянул мне красивую глубокую медную тарелку с рисом и жареными плодами окры. Поскольку среди прочих угощений я заметила гаджар халаву⁴³, мои мысли вновь вернулись к Анудже. Сестренка просто обожала морковь и миндаль.

Отобедав, мужчины принялись ломать небольшие веточки у растущего невдалеке нима. После этого они разлеглись на траве, положив под головы шелковые подушки, а веточками начали ковыряться в зубах. В Барва-Сагаре мы ковырялись палочками из древесины нима два раза – утром и вечером. По крайней мере, этот обычай в Джханси также соблюдается.

– Как насчет шахмат? – спросил диван. – Твой отец писал, что ты играешь.

Из резного деревянного сундука вытащили красивую шахматную доску. Мы терпеливо ждали, пока расставят шахматы. Мне казалось, что стук сердца отдается у меня в ушах. Шахматы придумали на востоке Индии более тысячелетия тому назад, но лишь немногие умели в них играть. Что сделает диван, если я проиграю? Неужели его мнение обо мне может перемениться?

Помню, у меня пересохло во рту, когда я передвигала белые фигуры по доске. Дышалось с трудом. До этого я играла в шахматы только с папой и Шиваджи. Мы играли до тех пор, пока диван, который на протяжении всей игры держал свой подбородок высоко поднятым, словно пытался не захлебнуться в воде, вдруг низко склонил голову, осознав, что я поставила ему мат.

– Она выиграла, – растерянно произнес мужчина, словно стал свидетелем настоящего чуда.

Он повторял это снова и снова, как будто от его слов случившееся становилось менее невероятным.

– Она выиграла. Она мастер.

Скорее всего, это было не совсем так. Наверняка большинство людей дивана проигрывали ему специально, что привело к возникновению у последнего излишне высокого о себе мнения. Но все окружающие согласно закивали, и я смогла наконец перевести дух.

Спустя какое-то время мы вновь сели на лошадей, и те зарысили по раскаленной пыльной дороге. Я думала о том, расскажет или не расскажет диван другим женщинам в дурга-дале о моем «мастерстве». После этого они захотят сами убедиться в том, насколько я хороша. Признаться, не так мне хотелось бы начинать новую жизнь во дворце. Настроение мое ухудшилось. Меня с головой накрыло удушающее одеяло влажного зноя. Затем подобно

⁴³ Гаджар халава – индийский десерт, состоящий из моркови, сахара, молока, миндаля, изюма и т. д.

бело-золотой горе, высящейся на берегу реки Пэхудж, вдали возник город Джханси. Ничего равного этому мне не доводилось видеть прежде. Целый город распростерся под солнцем, будто огромное белое одеяло. Мрачное настроение рассеялось. Все мои тревоги исчезли подобно песку, высыпавшемуся из решета.

Диван заметил, что я оживилась при виде города, и сказал:

– Величественное зрелище, что ни говори, даже для нас, кто наблюдал это неоднократно.

Подъехав поближе, я увидела здания, вздымающиеся на четыре-пять этажей. Я смотрела на все это как замороженная. За пределами города Джханси возвышались на холмах светлые, как белые цапли, стены крепости раджи Гангадара.

Наши лошади проехали через городские ворота. Представьте себе многотысячный муравейник со снующими туда-сюда муравьями. Именно такая картина возникла в моем воображении. Люди сновали повсюду. Они совсем не были похожи на моих односельчан, расхаживающих босиком в дхоти и с палками в руках. Горожане одевались в тонкое полотно и шелка. Женщины носили тяжелые золотые серьги и пояса, украшенные драгоценными камнями. И повсюду, куда бы я ни взглянула, я видела *женщин*. Они ходили сами по себе или маленькими стайками. Никто не обращал на них ни малейшего внимания, как не обращают внимания на листья, гонимые ветром.

– Уступите дорогу дивану! – кричал человек, пока наша процессия медленно двигалась вперед.

По улицам бродили свиньи, козы и коровы. Все так же, как в наши дни. Впрочем, на улицах было очень чисто. Диван сказал мне, что в Джханси улицы подметают три раза днем и один ночью. Вдоль нашего пути я заметила сотни каменных чаш, в которых росли красные и желтые цветы. А еще здесь было множество деревьев. Встречались и фруктовые, но больше всего было бутей, которые цвели красным и оранжевым цветом, ярким, словно закат солнца в сезон дождей. Шекспиру пришлось бы нелегко, попробуй он описать улицы Джханси моей юности. Уж слишком красивы они были. На узких улочках я увидела множество разнообразных лавчонок. Мой взгляд остановился на помещенной над окном вывеске, написанной голубой и золотистой красками: «Книги на хинди, маратхи, английском». Я ощущала себя тонким стебельком, что растет близ могучей священной фиги. Потрясающее зрелище, что ни говори.

Обезьяны, перепрыгивая с крыши на крышу, следовали за нашей процессией, рассчитывая, по-видимому, на угощение. За нами также увязались женщины, которые несли корзинки с шелками из Муршидабада, браслеты из раковин, изготовленные в Гоа, яркие ткани из Дакки.

– Всего одна рупия! – крикнула женщина, предлагая браслеты.

Я в изумлении отказалась, покачав головой. Что бы сказала моя бабка, если бы это увидела?

Проехав город, мы принялись взбираться вверх по склону к крепости раджи. Когда мы подъехали поближе, я увидела высокие крепостные стены, сложенные из гранита. В крепости было десять огромных ворот. Диван сказал мне, что они достаточно велики, чтобы через них прошел слон. Наша процессия подъехала к одним из них. Стражники в золотисто-красной одежде цветов Джханси немедленно расступились, пропуская наш кортеж. Мы, двигаясь гуськом, поехали по мощенной булыжником улочке. Затем диван поднял руку. Процессия остановилась перед величественным зданием, светлым и просторным, с высокими арочными окнами и широкими балконами, которые словно сошли с иллюстрации к сказке. Диван сказал, что это и есть Панч-Махал раджи. Теперь этот дворец станет моим домом.

Женщина, на целую голову выше меня, вышла из двери с серебряным подносом, на котором горела масляная лампа. Волосы ее были заплетены в тугую косу. На ней была крас-

ная ангаркха, самая поразительная из всех, которые мне доводилось видеть. Легкий шелк, прошитый местами золотой нитью, делал ее одежду очень удобной при такой жаре.

Диван слез с лошади и знаком дал понять, чтобы я сделала то же самое.

– Эта девушка, – представил меня диван, – Сита Бхосале из Барва-Сагара.

Высокая женщина выступила вперед и поклонилась в пояс. Затем она обвела мою голову круговым движением с зажатым в руке подносом, макнула большой палец в маленькую емкость с кашицей из древесины сандалового дерева и нанесла на мой лоб знак – тилак. После этого она несколько секунд стояла, всматриваясь в мое лицо. В уголках ее глаз лучились морщинки. В толстой косе виднелись седые волосы. Я заметила мускулы у нее на руках. В золотистом оттенке ее глаз, во всей фигуре ощущалось что-то кошачье. Поставив поднос, она повернула голову к дивану, который стоял, держа в руках свой желтый тюрбан, который он успел снять.

– Благодарю вас, диван, за то, что нашли новую воительницу. Рани хотела бы ее увидеть, но прежде, полагаю, девушке надо немного отдохнуть с дороги.

– Передайте Ее Высочеству мое нижайшее почтение, – поклонившись, произнес диван.

Пожелав мне удачи, он и его люди уехали. Только после этого женщина с кошачьими глазами представилась. Ее звали Сундари. Она возглавляла дурга-дал. Она предупредила, чтобы я не называла своих новых товаров «диди», как я привыкла обращаться ко всем уважаемым женщинам у себя в деревне. Мне следует называть их по именам. Единственным исключением является рани. К ней следует обращаться Ее Высочество, хотя супруг называет ее Лакшми, а друзья детства, Тантия Топи⁴⁴ и Нана Сагиб⁴⁵, зовут ее Ману.

– Тантия Топи – сын знатного вельможи, – сообщила Сундари. – Он является военачальником Сагиба и пользуется полным доверием.

Отец Сагиба был пешвой Баджи Рао⁴⁶, чей трон в свое время захватили британцы.

– Мы кланяемся, приветствуя рани по утрам. То же самое мы проделываем по вечерам, когда оставляем Ее Высочество в ее покоях. Сейчас рани на четвертом месяце беременности. Большую часть дня она спит, но утром и вечером ожидает, что мы будем ее развлекать. Ты должна знать, что рани терпеть не может глупость. Ей двадцать три года, и Ее Высочество весьма практичная женщина. Отец воспитал ее как сына, и рани очень любит играть в шахматы.

Я почувствовала, что бледнею.

– Ты, должно быть, умная девушка, – продолжала тем временем Сундари. – В противном случае диван не привез бы тебя из деревни. У нас тут только одна деревенская. Зовут ее Джхалкари. Она на хорошем счету у рани. Надеюсь, ты окажешься не хуже. Рани без колебания удаляет от себя тех, кого считает недостойными.

– Я не подведу, – произнесла я.

Сундари вошла в прохладу дворца, и я последовала за ней. Двое стражей поклонились сначала ей, затем мне. Прежде ни один мужчина никогда мне не кланялся. Каждый сделанный мною шаг означал мое вступление в новый мир. Я начинала жить новой жизнью.

Сундари разулась, сняв свои вышитые джути. Я последовала ее примеру. Двое слуг положили нашу обувь в продолговатый шкаф. Если я проживу на свете лет сто, то даже тогда

⁴⁴ Тантия Топи (1814–1859) – один из руководителей восстания сипаев 1857–1859 годов в Индии. Происходил из семьи приближенного пешвы Баджи Рао II. Был одним из руководителей резни английских женщин и детей в Бибигаре. По приговору английского суда был повешен.

⁴⁵ Нана Сагиб (1824 – неизвестно) – один из лидеров индийских повстанцев в ходе восстания сипаев 1857 года, по различным данным, сыграл роль в двух истреблениях британских войск и гражданских лиц. Будучи приемным сыном сосланного пешвы Маратхской конфедерации Баджи Рао II, пытался восстановить конфедерацию и власть пешвы.

⁴⁶ Пешва – глава правительства в государстве маратхов, которое располагалось в 1674–1857 годах на территории современной Индии. Постепенно титул пешвы и связанная с ним власть стали передаваться по наследству. Пешва Баджи Рао II был отстранен от власти в 1818 году после ряда междоусобных войн, в которых принимали участие также англичане.

не забуду чувство, которое охватило меня, когда я впервые ступила на плюшевый ковер, а затем последовала за Сундари по богато украшенным коридорам дворца, сплошь застеленным великолепными коврами. Даже у самых больших богачей в нашей деревне не было ковров.

Мы прошли мимо нескольких дверных проемов, завешенных легкими длинными полотнищами материи, слегка развевавшимися на сквозняке. За ними я могла различить мужчин: одни разговаривали, другие о чем-то оживленно спорили. Я слышала, как люди говорят о Сварге, райском месте, отличавшемся бесподобными красотами. Панч-Махал представлял собой воистину грандиозное зрелище. В палатах дворца пахло жасмином. Из арочных окон открывался вид на цветущие сады раджи. Мне казалось, что Сварга должна выглядеть примерно так.

Когда мы добрались до конца длинного коридора, там оказались ступеньки лестницы, ведущей наверх.

– Раджа живет на втором этаже, – принялась рассказывать Сундари. – Дурбар, где собираются гости и вельможи двора, – на четвертом. Рани после дневного сна всегда чтит своим присутствием дурбар. Сейчас она спит, а потому потратим это время на знакомство с дворцом.

Сундари остановилась перед широким дверным проемом, завешенным просвечивающей тканью. Здесь в ярком свете, льющемся из ближайшего окна, серебристые пряди в ее волосах казались молочно-белыми, словно кто-то взял мел и провел тонкие линии у нее на голове.

– Ты являешься десятой воительницей дурга-дала Ее Высочества, – произнесла женщина прежде, чем мы вошли. – Следовательно, есть еще восемь женщин, весьма талантливых в нашем деле. Они надеются со временем занять мое место. Служанки, нас ожидающие, в свое время тоже были членами дурга-дала. Теперь они ушли на покой. Тебе следует вести себя с ними соответствующим образом, ибо тебя ожидает такая же судьба. Ни одна из нас не может быть уверенной, что ей уготована долгая служба телохранительницей, поэтому будь рассудительна, общаясь с женщинами в этой комнате. Диван говорил, у тебя есть сестра...

– Да.

– Она тоже хочет стать дургаваси?

– Нет. Все, что я здесь заработаю, я собираюсь откладывать сестре на приданое. Ей девять лет. Семья хочет выдать ее замуж.

Брови Сундари взмыли вверх подобно двум испуганным птицам.

– Чтобы собрать деньги на приданое, осталось очень мало времени.

Женщина протянула руку и отвела в сторону занавесь. Мы вошли в огромное помещение. Ничего более просторного я в своей жизни не видела. Потолок покрывала резьба по дереву. Окрашен он был в золото, а вот стены, на вид очень гладкие, сверкали, словно отполированная скорлупа яиц. Посередине мелодично журчал фонтан, а вокруг него было разложено не меньше дюжины желтых подушек, на которых восседали женщины в элегантных ангаркхах. Таких пышных нарядов мне тоже не доводилось видеть. Вместо простых одежд длиной до колен, вроде той ангаркхи, что была на мне, эти женщины красовались в свободных одеждах из шелка, тщательно завязанных на талии поясами. От меня пахло пылью и лошадьми, от них – жасмином и розами. При виде нас они поднялись со своих мест. Их было семеро.

Сундари, по-видимому, тоже посчитала. Лицо ее нахмурилось.

– Где Кахини?

– В саду, – сказала самая низенькая из девушек.

У нее было округлое, светящееся, словно жемчужина, лицо. Одета она была в красивую золотисто-фиолетовую ангаркху.

– Моти, прошу тебя, приведи ее в зал рани.

Девушка удалилась, а я задалась вопросом, это ее настоящее имя или же прозвище, ибо «моти» с хинди переводится одновременно как «жемчужина» и «пышка».

Тем временем другие женщины обступили меня.

– Это Сита Бхосале из Барва-Сагара, – представила меня Сундари. – Надеюсь, что вы будете относиться к ней так же, как и к тем из вас, кто родился в городе.

– Ты правда из деревни? – поинтересовалась одна из женщин.

– Мы слышали, что ты говоришь по-английски, – сказала другая.

Все заговорили одновременно. У меня просто не было времени ответить хотя бы на один из вопросов. Вскоре из сада вернулись Моти и Кахини. Все вдруг замолчали. Кахини обладала поразительной красотой. Никогда прежде мне не доводилось видеть настолько утонченных черт лица, отличавшихся идеальной правильностью и выразительностью, словно изваянных из алебаstra. Девушка была одета в голубую шелковую ангаркху и облегающие ноги чуридары. Одежда ее была украшена вышитыми серебряной нитью цветками лотоса. Темные волосы были заплетены в четыре косы, соединенные под конец вместе. На щиколотках и запястьях позвякивали маленькие серебряные колокольчики. На шее висело ожерелье из бирюзы и серебра тонкой работы.

– Значит, ты новая телохранительница, – сказала она бесстрастным голосом, в котором не было ни радушия, ни неприязни.

Просто пустой сосуд, ждущий, когда его наполнят.

– Это Сита Бхосале из Барва-Сагара, – еще раз представила меня Сундари. – Одна из вас должна показать Сите дургавас, а потом проводить на майдан. Кто желает?

– Я, – вызвалась Кахини.

Наступила многозначительная тишина, словно никто от нее такого не ожидал.

– Хорошо, – поколебавшись, произнесла Сундари.

Другие женщины немедленно отступили. Я подумала, что Кахини, возможно, находится здесь на особом положении.

– Иди за мной, – улыбнувшись, сказала она.

Женщины перед нами расступились. Я последовала за Кахини из зала рани в длинный коридор, стены которого были украшены фресками с изображениями птиц. Художник постарался изобразить каждую птицу в свойственной ей среде обитания. Там были павлины, расхаживающие по мощенному мрамором внутреннему дворику, и белые цапли, которые бродили по озерному мелководью.

– Сначала мы пойдем в дургавас, – сказала Кахини, но потом замерла, остановившись под фреской цапли. – Ты знаешь, что такое дургавас?

Я отрицательно покачала головой и ощутила, как к моему лицу прилила кровь.

– Никто тебе не рассказал, как живут телохранительницы?

Уверена, если бы корни моих волос могли покраснеть, они обязательно покраснели бы.

– В моей деревне люди мало знают о Джханси.

– Понятно, – с жалостью в голосе произнесла Кахини. – Из какой ты деревни? Я не расслышала Сундари.

– Из Барва-Сагара.

– Это на севере?

– Нет, на юге отсюда.

Ее улыбка была настолько мимолетной, что, возможно, мне только почудилось, что девушка улыбнулась.

– Ладно. Дургавас – это всего лишь спальня с десятью кроватями. Наши служанки спят за дверями этой комнаты на полу.

– Бывшие члены дурга-дала? – спросила я, повторяя то, что услышала от Сундари.

– Да. Хотя та, которая выбьется в командирши, получает небольшое поместье и приличное содержание.

– Значит, когда Сундари-джи уйдет на покой, ей подарят поместье?

– Да, как и той, которая займет ее место, – ответила Кахини и, остановившись перед завешенным тканью дверным проемом, добавила, глядя мне в глаза: – Мы все боремся за одно и то же.

– А как рани выбирает ту, что станет начальницей над остальными?

Кахини позволила себе широко улыбнуться. Ряд идеально белых зубов сверкнул на фоне красных губ.

– Ищет смиренных.

Раздвинув занавесь, она вошла в комнату.

Десять массивных деревянных кроватей с ворсистыми матрасами выстроились вдоль украшенных фресками стен дургаваса. Я последовала за Кахини. Девушка остановилась у последней в ряду кровати. Я нагнулась и прикоснулась к ней. Ложе, достойное махараджи.

– Уверена, что ты никогда прежде не видела кровати, – сказала Кахини.

– Дома я спала на чарпае.

– Ну... ты будешь очень удивлена, когда увидишь зал, где проводят дурбар. Впрочем, весьма сомневаюсь, что сегодня ты там побываешь. Рани на этой неделе вообще никуда не ходит. Большую часть дня она молится Дурге, чтобы не заболеть. Это плохо. Вскоре, боюсь, она растолстеет, как хавронья, и вообще не сможет никуда ходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.